

museum 192

международный журнал

ISSN 0255-0881

Морские музеи (1)

Передвижная музейная служба Намибии

Голландские музеи «приватизируются»

Индекс 71133

museum *Международный журнал*

Ежеквартальный *Международный журнал "Museum"*, посвященный теории и практике музейного дела, издается Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже.

Журнал выходит в Париже на французском и испанском языках, в Оксфорде — на английском, в Каире — на арабском, в Москве — на русском.

№ 192 (№ 2, 1997)

На первой странице обложки
Парусное судно в плавании.
© VLOO, Paris

На последней странице обложки
Реставрация дымовой трубы
единственного немецкого
атомохода, грузового судна
Отто Ган, в Немецком музее
судоходства в Бремерхафене.
© Egbert Laska, Deutsches
Schiffahrtsmuseum

Главный редактор: Марсия Лорд
Помощник редактора: Кристин
Уилкинсон
Художественный редактор: Кароль
Пажо-Фон
Редактор издания на арабском
языке: Фавзи Абд эль-Захер
Редактор издания на русском языке:
Татьяна Телегина

Консультативный комитет

Гаэль де Гишен, ИККРОМ
Жан-Пьер Моан, Франция
Стелиос Пападополус, Греция
Элизабет де Порт, генеральный
секретарь ИКОМ, ex officio
Роланд де Сильва, президент
ИКОМОС, ex officio
Шаже Тшилуйла, Заир
Нэнси Хашн, Канада
Томислав Шола, Хорватия
Яни Эрреман, Мексика

Адрес главной редакции:
ЮНЕСКО, Франция, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа, 7
Телефон: (33.1) 45 68 43 39
Факс: (33.1) 45 68 55 91

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут сами авторы. Высказанные ими мнения могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО. Встречающиеся в статьях формулировки и определения, которые касаются правового положения государств, территорий, городов и регионов, а также их управления или определения границ между ними, могут не отражать позиции ЮНЕСКО по затрагиваемым проблемам.

Выпуск журнала на русском языке осуществляет ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке» при содействии Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО.

Учредитель — ОАО ИГ «Прогресс»

ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке»/UNESCO Publishing

Генеральный директор ЗАО
«Издания ЮНЕСКО на русском языке»: Ирина Уткина

Редактор русского издания:
Татьяна Телегина

Художественное и техническое
редактирование: Ирина Цалкина

© ЮНЕСКО, 1996
© Перевод на русский язык ЗАО
«Издания ЮНЕСКО на русском языке», 1998

Напечатано в Российской
Федерации

Адрес русской редакции:
119847, ГСП-3, Москва, Г-21,
Зубовский бульвар, 17
Телефон: 247 17 94

Уважаемый читатель!

Если Вы живете или работаете в Москве, Вы можете приобрести *Международный журнал "Museum"* в книжном магазине «Человек читающий» по адресу: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Русская редакция *Международного журнала "Museum"*

От редакции 3

- Досье:* 4 Морские музеи — хранители всемирного наследия
Морские музеи *Оливье Женэн*
(1)
- 8 Морские богатства Израиля: от раскопок до коллекций *Надав Каштан*
- 15 Океанополь как центр научных исследований
Франсуа де Болье, Эрве Кемене
- 21 Воссоздание прошлого в морском музее с помощью современных технологий *Пьеранджело Камподонико*
- 25 Национальный морской музей в Антверпене: коллекция в историческом контексте
Вим Джонсон
- 30 Ветры перемен в Литве *Алоизас Каздайлис*
- 37 ЮНЕСКО и защита подводного культурного наследия *Этьен Клеман, Линдел Протт*
-

Консервация 40 План действий на случай чрезвычайных ситуаций и готовность к ним: некоторые основные принципы
Грейм Гардинер

Нововведение 45 Передвижная музейная служба Намибии
Кристин и Питер Найас

Управление 49 Голландские национальные музеи «приватизируются» *Стивен Энгельсман*

Из нового опыта 54 Опора на добровольцев: Музей ракеты «Титан» в Аризоне *Джон Стиклер*

Рубрики 58 Форум мнений

59 Книги

62 Профессиональные новости

УКРАДЕНО

Похищена икона XV—XVI веков (итало-критская школа), выполненная темперой. На иконе изображена Богоматерь, которая левой рукой держит, а правой поддерживает младенца Христа; над головой Богоматери сияет нимб, она облачена в темные одежды и темное покрывало, отделанное золотой каймой, которое покрывает ее голову и плечи; на его крае, с правой стороны, имеется надпись, выполненная кириллическими буквами; над головой Христа, облаченного в светлые одежды, также сияет нимб; в каждом из двух верхних углов изображен ангел. Размеры: 67,5 × 47 сантиметров.

Икона украдена из одного музея в Минске (Беларусь) 2 декабря 1991 года. (Reference IP/1120/SA/11/95 Interpol Minsk.)

Photo by courtesy of the ICPO-Interpol General Secretariat, Lyons (France)

Некоторые полагают, что название нашей планеты, Земля, нельзя признать точным, так как более 70 процентов ее поверхности занимают океаны. Как источник жизни, колыбель богов и духов, мост, соединяющий наиболее отдаленные и древние человеческие поселения, океан всегда играл исключительную роль, будоража воображение человека. О морях и моряках, скитающихся по их бескрайним просторам, рассказывается в многочисленных хрониках, эпосах, сагах и песнях — от Библии и кельтских легенд, греческой и скандинавской мифологии до преданий жителей тихоокеанских островов и Дальнего Востока, эскимосов Крайнего Севера и населения острова Гаити в Карибском море.

Подводный мир является нашим ближайшим — но по многим причинам и самым дальним — рубежом, освоение которого может иметь большее значение — с точки зрения получения продовольствия и сырья — для человечества, чем покорение космоса. Так, в последние годы Мировой океан оказывается объектом все более пристального научного исследования, по мере того как все более очевидной становится его решающая роль в формировании жизни на нашей планете. Должная забота и бережное обращение с этой хрупкой средой требуют немалых усилий, способствующих просвещению широкой общественности и лучшему пониманию сложного взаимодействия между океанами и человечеством — как непрофессионалами, так и специалистами. В последние годы по инициативе ООН появился целый пакет международных документов — Декларация по окружающей среде и развитию, принятая в Рио-де-Жанейро, Повестка дня на XXI век: Программа действия в целях достижения устойчивого развития и морское право, — принятие которых свидетельствует о необходимости безотлагательных мер и осмысления сложившегося положения, если мы хотим, чтобы эта драгоценная колыбель человечества была передана будущим поколениям целой и невредимой. Решение ООН объявить 1998 год Международным годом Мирового океана в очередной раз подчеркнуло исключительную важность проблем, стоящих сегодня перед нами.

Однако море — это не только его подводная жизнь. История мореплавания тесно связана с историей самой цивилизации. Обломки парусного судна, обнаруженные в шумерской гробнице 4-го тысячелетия до нашей эры; письменные свидетельства, рассказывающие о торговле между Критом и Египтом и датированные 2500 годом до нашей эры, а также о торговле деятельности финикийцев, которые ввозили олово из Корнуолла в 600 году до нашей эры; остатки культуры живших в V веке полинезийцев, которые по морю преодолевали расстояние в 4 тыс. километров, чтобы достичь Гаити, и при этом ориентировались исключительно по звездам; самоотверженность отважных арабских торговцев, которые в IX веке сумели добраться до самого Китая, в то время как китайцы отправились на Занзибар; отчаянность викингов, которые в VIII—X веках пускались в опасные походы по морям Северной Атлантики, и, наконец, великие морские путешествия, предпринятые в XV веке португальскими и испанскими мореплавателями, которые в корне изменили наше представление о мире, — все это составляет часть морского опыта.

Но и это еще не все. История покорения морской стихии неразрывно связана с историей изобретательства и творчества: строительство судов и лодок исключительной красоты, создание паруса, а также парового и ядерного двигателя, составление карт и конструирование приборов, выпуск справочников и таблиц, использование радио и радара, возведение маяков и появление бесчисленных предметов, вышедших из-под рук неизвестных мастеров. К этому следует добавить наличие многочисленных историй и преданий о героях и негодях, об искателях приключений, людях, движимых страстью к риску, жадной наживы, стремлением к политической экспансии и простым долгом географического характера, который заставляет жителей прибрежных районов выходить в море.

Масштабность темы способствовала появлению самых разнообразных морских музеев. Они столь многочисленны, что бессмысленно было посвящать этой теме один номер *Международного журнала "Museum"*, поэтому мы подготовили два номера. Хотя даже столь исключительная мера не решает проблемы полноты освещения темы морских музеев, мы все же надеялись таким образом подчеркнуть ее важность и сделать как можно более актуальной и в высшей степени интересной для широкой публики. Данный номер посвящен главным образом научным и музеологическим аспектам темы, в то время как в № 193 рассматриваются собственно морские музеи и их посетители. Два этих номера, как мы надеемся, в очередной раз продемонстрируют, что музеи продолжают занимать позиции на переднем крае современной жизни, освещая вопросы и проблемы, которые затрагивают всех нас.

М.Л.

Морские музеи — хранители всемирного наследия

Оливье Женэн
(Olivier Genin)

Мы выражаем самую сердечную признательность Оливье Женэну, благодаря энергии и знаниям которого был подготовлен тематический раздел настоящего номера. Он начинал свою профессиональную деятельность в военно-морском флоте Франции, а продолжил ее в торговом флоте, что предопределило его тесную связь с морским миром, которому он беззаветно предан. В качестве сотрудника Французского института моря он провел в 1990—1992 годах — по поручению министерства культуры — изучение основных морских музеев Европы. Используя данные его собственного важного исследования и личные связи с европейскими и американскими учреждениями, он только что завершил работу по обобщению разнообразного опыта по сохранению морского наследия. Сейчас его труд переводится на английский язык. Во вступительной статье он предлагает обзор проблем, рассматриваемых в настоящем номере.

После второй мировой войны во многих странах возник интерес к сохранению морского наследия. Мировую «элигу» волнует теперь не только будущее, но и связь прошлого с настоящим. «Обращаться к своему прошлому — не значит быть отсталым, — сказал президент Национальной библиотеки Франции Жан Фавье. — Надо научиться помнить свою историю, поскольку все наши планы должны иметь под собой основу».

Уже не первый год государственные и частные организации и даже отдельные граждане проявляют интерес к морской истории своих стран и изучают свое наследие, дабы сделать его достоянием широкой общественности, пока еще мало сведущей в этом вопросе. Однако этот новый интерес и связанные с ним энтузиазм и добрая воля нередко наталкиваются на недостаток опыта, что ведет к разочарованию, а порой и к финансовым потерям.

Международный журнал "Museum", будучи органом ЮНЕСКО, вносит свой собственный вклад в дело распространения опыта, накопленного передовыми морскими музеями. Этой теме уже был посвящен целый номер («Музеи портов всего мира», № 166, 1990). Тогдашний главный редактор журнала ясно подчеркивал в редакционной статье значение моря в становлении цивилизации и ее развитии до сегодняшнего дня. Он также отмечал в ней, что будут еще номера, рассказывающие об этой теме. Данный и следующий номера журнала как раз и реализуют это обещание.

В противоположность тому, что думают многие люди, морское наследие — это не только модели судов, карты и всякие другие экспонаты, выставляемые в музейных витринах. Оно включает в себя широчайшее разнообразие элементов: от крошечных предметов до самих судов и внушительных исторических зданий. Морское наследие таится на дне морей, в занесенных песком обломках затонувших кораблей, в забытых доках, где стоят заброшенные суда. Его следы можно найти в разбросанных

вдоль побережья старых зданиях, фортах, семафорах и маяках. Оно живет на судовой палубе и в мастерских, в домах и даже на чердаках в виде сувениров, привезенных когда-то далекими предками-моряками, в многочисленных документах, включая письма, которые подчас содержат самые невероятные, бесценные свидетельства. И конечно, не нужно забывать об антикварных лавках и частных коллекциях, владельцы которых не всегда воинственно настроены против музеев.

Морское наследие, где бы оно ни находилось и кем бы ни охранялось, всегда имеет мировое значение. Оно свидетельствует об истории судов и мореплавателей, которые, путешествуя по свету, устанавливали и до сих пор устанавливают связи между народами, регионами и портами. Вот почему хотелось бы, чтобы в один прекрасный день какой-нибудь международный орган взялся за составление и ведение всемирного списка наиболее важных и характерных элементов морского наследия. Можно было бы создать межнациональный каталог, который стал бы для всех ученых бесценным инструментом, дарованным волшебством информатики. Другим, не менее важным результатом такой работы стало бы содействие и даже расширение межнационального сотрудничества, причем не только совместных научных исследований, но и обменов предметами, принадлежащими морскому наследию, и предоставления их во временное пользование. Все это облегчило бы подготовку и проведение совместных выставок, которые могли бы переезжать из страны в страну. Почему бы этот вид сотрудничества, существующий уже многие десятилетия в сфере изобразительных искусств, не распространить и на морское наследие? Его международное значение лишний раз подтверждает эту необходимость. Составление такого списка возможно. Более того, Всемирный корабельный трест опубликовал в 1993 году второе издание *Международного регистра исторических судов*, в который вошли более 1200 реально существующих судов в 53 странах.

Всемирный корабельный трест — это единственная международная организация, занимающаяся просвещением общественности относительно важности сохранения как национального, так и международного морского наследия, представленного историческими судами и экспонируемого в музеях. Трест был основан в 1979 году, им управляет международный директорат. Кроме *Международного регистра исторических судов* трест также публикует журнал *World Ships Review*.

Контактами всех уровней между морскими музеями занимается Международный конгресс морских музеев (ИКММ). Это международная организация, в состав которой входят многочисленные ассоциированные члены: историки, исследователи, коллекционеры. Каждые три года конгресс организует форумы с целью обмена информацией и опытом и проведения совместных исследований.

Граждане европейских стран могут обратиться в Европейский союз, который уже в течение нескольких лет проводит политику поддержки проектов, направленных на сохранение европейского культурного наследия. Начиная с 1996 года деятельность Европейского союза в этой области была реорганизована и расширена в целях осуществления общественной программы действий РАФАЭЛЬ (1996—2000). Проекты, получающие поддержку в соответствии с этой программой, относятся как к недвижимому, так и движимому наследию. Они должны иметь европейский масштаб и основываться на действительно международном сотрудничестве, междисциплинарном и комплексном подходе. Было бы весьма интересно посмотреть на реальное применение этой процедуры к соглашениям между европейскими морскими музеями относительно действий в Европе, направленных на пропаганду морского наследия, и совместных научных изысканий, связанных с этим наследием, которое, как мы убедились, имеет международный характер.

На национальном уровне во многих странах за сохранение морского на-

следия и распространение знаний о нем отвечают официальные организации, часто именуемые «академиями». Так, в Бельгии есть Королевская морская академия, занимающаяся также техническими и научными аспектами национального морского наследия. Другой пример — Морская академия во Франции, которая осуществляет научную, культурную и административную работу, связанную с вопросами моря, включая морское наследие.

Существует множество других ассоциаций, деятельность которых нацелена на просвещение общественности. В их число входят Морское общество в Лондоне, Национальное морское историческое общество и Североамериканское общество океанической истории в США, Французский институт моря (ИФМ) во Франции, одна из комиссий которого отвечает за информирование общественности обо всех связанных с морем вопросах, популяризацию истории морского наследия и разъяснение важности его сохранения.

Наследие и история тесно связаны друг с другом; наследие является свидетельством истории, которая с течением времени формирует культуру каждой нации. В Израиле, например, считают, что основу изучения истории государства составляет археология и что именно археология должна играть ключевую роль в пропаганде наследия страны. Вот почему музеи здесь называются «междисциплинарными», а морское наследие экспонируется с учетом достижений других наук (за исключением трех). Морское наследие представляется в тесной связи с наукой и местом его обнаружения. Надав Каштан, специализирующийся на изучении морского наследия, показывает то, о чем часто забывают, а именно почему археология составляет неотъемлемую часть исследований в области морского наследия.

Главное направление в работе традиционных морских музеев состоит в изучении истории событий, происходящих в открытом море, в то вре-

мя как центры подводных исследований занимаются тем, что происходит на дне морей. Эти два вида музеев дополняют друг друга в деле информирования и просвещения общественности относительно всего, что касается моря, кораблей и жизни моряков. Исследовательские центры со всеми своими аквариумами и лабораториями не являются музеями в строгом смысле слова, хотя иногда их и называют таковыми. Для представления прошлого они используют ископаемые остатки, изучают настоящее, с тем чтобы помочь современным мореплавателям и особенно рыбакам, пытаются предсказывать будущее на основе изучения перемен, происходящих в фауне, морских течениях и климате. Так, Океанополь в Бресте однозначно демонстрирует полезность и своеобразие таких центров, а также вносит свой вклад в жизнь города. Музеи вообще и морские музеи в частности точно так же, как центры подводных исследований, напрямую участвуют в экономической жизни соответствующих регионов. Правда, местные власти, а иногда и жители не до конца осознают этот факт. В Бресте же дела обстоят иначе.

История Морского культурного центра в Литве служит яркой иллюстрацией смелости, упорства и фантазии, этих составных частей всеобъемлющего понятия «вера». Комментарии здесь излишни. Просто прочтите статью, и вы поймете то, о чем рассказывает Алоизас Каздайлис.

Музей сегодня — это не какой-то храм, предназначенный прежде всего для ученых мужей. Современные технологии делают его все более привлекательным для всех слоев населения. Общеизвестно, что основной объем информации в наши дни считывается с дисплеев компьютеров. Пьеранджело Камподонико, хранитель Морского музея в Генуе, рассказывает о сотрудничестве между музеем и городским университетом, а также о результатах использования разработанной ими интерактивной системы. Он также делится своими мыслями относительно придания большей выразительности выставкам за

счет включения в экспозицию сцен, максимально приближенных к рассматриваемому периоду времени.

Когда принимается решение о создании морского музея, первый вопрос, которым следует заниматься (помимо финансирования), касается места хранения экспонатов. Зачастую власти предлагают помещения, изначально не предназначавшиеся для музеев: тесные залы с плохим освещением, до которых трудно добраться по запутанным коридорам. Именно в таком положении оказались в 1952 году руководители Национального морского музея в Антверпене. Однако они не опустили руки, а взялись за дело, демонстрируя завидную веру и фантазию. В результате были найдены решения, благодаря которым музей стал таким, каким мы его видим сегодня, не говоря уже о приобретенной им славе. Вим Джонсон, заместитель директора музея, рассказывает о принципах, лежащих в основе его экспозиции.

Сегодня как никогда очевиден тот факт, что над большей частью подводного морского наследия нависла серьезная угроза, связанная с его разграблением и беспечным к нему отношением. Этьен Клеман и Линдел Протт рассказывают об усилиях ЮНЕСКО по созданию международного правового инструмента для защиты этого бесценного достояния.

Следующий номер *Международного журнала "Museum"* будет посвящен морским музеям и их посетителям, такой чрезвычайно редкой теме, как история торгового флота, и коллекционерам, которые при надлежащем уровне компетенции и энтузиазме могут стать настоящими партнерами морских музеев. Мы надеемся, что оба этих номера найдут своих читателей не только среди профессионалов, занимающихся сохранением морского наследия, но и среди тех, кто нуждается в новых идеях, источниках информации и в получении адресов для осуществления своей мечты — спасения морского наследия. ■

Примечание

Читателям могут пригодиться названия и адреса организаций, упомянутых в данной статье:

The World Ship Trust
202 Lambeth Road
London SE1 7JW
(United Kingdom)

The International Congress of
Maritime Museums
Altonaer Museum in Hamburg
Museum Strasse 23
2000 Hamburg
(Germany)

L'Académie Royale de la Marine de
Belgique
Nationaal Scheepvaartmuseum
Steinplein 1
2000 Antwerp
(Belgium)

L'Académie de la Marine
21, place Joffre
75007 Paris
(France)

The Marine Society
202 Lambeth Road
London SE1 7JW
(United Kingdom)

The National Maritime Historical
Society
Peekskill, NY 10566
(United States of America)

The North American Society for
Oceanic History
University of North Carolina
Greenville, N.C.
(United States of America)

L'Institut Français de la Mer
9, rue de Docteur Grey
75020 Paris
(France)

Приглашение к сотрудничеству

*Международный журнал "Museum" с нетерпением ждет поступления предложений и статей по всем вопросам, представляющим интерес для международного музейного сообщества. Статьи и соображения относительно проблем для их рассмотрения в тематическом разделе журнала следует направлять по адресу: Editor, *Museum International*, UNESCO, 7 place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP (France). Ответ Вам будет направлен в кратчайшие сроки.*

Морские богатства Израиля: от раскопок до коллекций

Надав Каштан
(Nadav Kashtan)

Разнообразие и размеры морских коллекций Израиля свидетельствуют о длительной истории мореплавания в этом регионе. Уроженец Хайфы, д-р Надав Каштан написал во Франции докторскую диссертацию на тему «Северное побережье Палестины в эллинистическую и римскую эпохи». Выпускник Университета Тель-Авива (отделение музеологии), он в 1990—1995 годах был директором Национального морского музея. Преподает в Университете Хайфы на отделении морских цивилизаций, специализируется по вопросам влияния моря и навигации на развитие древнего Средиземноморья. В настоящее время работает в Центре морских исследований над проектом «Еврейский вклад в историю судостроения и навигации».

Музеи Израиля отражают некоторые характерные черты нации и страны. Их число говорит само за себя, но оно может удивить лишь тех, кто не знаком с «израильским опытом». Исправленное и дополненное издание *Музеи Израиля* (издательство «Ариэль», Иерусалим, 1995), выпущенное на иврите, насчитывает более 200 музеев в стране с населением 5,8 млн человек. Это вызывает тесноту помещений, распыленность коллекций, их разнообразие, конкуренцию, наличие копий и другие особенности, характерные, в частности, и для морских коллекций. Главная черта израильских музеев — их разнообразие. Наряду с художественными и археологическими музеями имеются многочисленные учреждения, посвященные иудаике, истории сионизма, армии и безопасности и сельскому хозяйству.

Морские музеи Израиля не составляют отдельной группы, а включены в более широкую археологическую категорию, что оказывает беспорное влияние на определение и расположение морских коллекций. Расположение таких коллекций с точки зрения географии и принадлежности тому или иному учреждению зависит от таких факторов, как их размер и значение, личная инициатива сотрудников, средства и источники общественной помощи (муниципальной или государственной). В данной статье представлены три типа коллекций:

1. Морские музеи, основанные и организованные как таковые. В Израиле понятие «морские музеи» включает в себя историю и подводную археологию, в то время как военно-морские музеи практически отсутствуют. К морским музеям относятся: Национальный морской музей, Музеи нелегальной иммиграции и морского флота (оба находятся в Хайфе) и Центр морской археологии в Тель-Доре.
2. Морские коллекции в местных археологических музеях, главным образом в прибрежных кибуцах.
3. Отдельные экспонаты, относящиеся к большим археологическим

коллекциям. Выбранные для рассмотрения здесь экспонаты принадлежат частным собраниям, недавно преобразованным в крупные музеи в Иерусалиме и Хайфе.

Большое число морских предметов, обнаруженных во время раскопок, поступает в Департамент древностей в Иерусалиме для их регистрации и защиты, поскольку официальным органам предписано заботиться о сохранности остатков материальной культуры. Многие из них годами хранятся здесь, ожидая своих исследователей, или просто остаются невостребованными. Как мы увидим дальше, благодаря инициативе и деятельности Морского отдела Департамента древностей данное положение меняется.

Знакомство с историей коллекций и зданий, где они располагаются, позволяет сформулировать главный вопрос: связаны ли, и если да, то каким образом, морские коллекции и музеи с теми местами, которые являются источниками большинства их предметов, и как эти отношения влияют на содержание и организацию музейных экспозиций. Хотя мы будем рассматривать главным образом постоянные экспозиции, временные выставки, посвященные морской тематике, отражают те же проблемы и возможности.

Коллекции, музеи и исторические места

Одного взгляда на карту Израиля достаточно, чтобы понять исключительно важную роль моря в истории и жизни страны. Средиземноморское побережье, протянувшееся почти на 200 км, является естественной границей, обеспечивающей выживание и развитие. О значении моря свидетельствует его библейское название *Хаям Хагадол*, Великое море (Числа 34:6). Для обитателей побережья оно служило воплощением величия, и не только потому, что находилось между континентами. Побережье Палестины было полем сражений и местом зарождения и гибели великих цивилизаций и морских империй древ-

него Средиземноморья. Египет, Финикия, Греция и Рим определяли политическую, экономическую и культурную судьбу побережья. Каждый из крупных прибрежных городов, таких, как Акка (Акко, Акре или Птолемаида), Тель-Дор, Цезаря (Кесария), Яффа и Ашкелон, контролировал определенный участок побережья. Другие исторические места, которые зависели от своих метрополий, включали процветающие порты Ахзив, Сикаминум (Шикмона), Атлит, Тель-Нами, Аполлония, Ямния (Явне) и Ацотос (Ашдод). Мы выбрали семь музеев и коллекций, которые отражают все разнообразие и исключительное богатство Израиля и его связь с прибрежными и подводными раскопками.

*Атлит/Неве-Ям: Морской отдел
Департамента древностей*

На маленьком полуострове, расположенном примерно в 10 км к югу от Хайфы, находятся развалины крепости крестоносцев Атлит (Castellum Peregrinorum), свидетельствующей о славе государства крестоносцев в Палестине (1099—1291). Залив Атлит также является одним из тех мест, где под водой покоятся богатейшие остатки материальной культуры, включая деревянную кладбищенскую эпохи неолита, уникальный таран эпохи эллинизма (см. ниже), клады монет, кувшин, каменные якоря эпохи бронзового века и медные слитки, которые служат напоминанием о флотилиях, сражавшихся за установление господства в Палестине. Очень символично, не говоря уже о практической стороне дела, что кибуц Неве-Ям (буквально — морской оазис), находящийся недалеко от Атлита, был избран в качестве штаб-квартиры Морского отдела Государственного департамента древностей, в чьем ведении находятся лежащие под водой вдоль всего побережья предметы материальной культуры. В его задачу входит претворение в жизнь Законов о древностях 1978 и 1989 годов (профилактика разграбления), проведение подводных исследований, работа по их спасению, изучению и регистрации, научно-исследовательская дея-

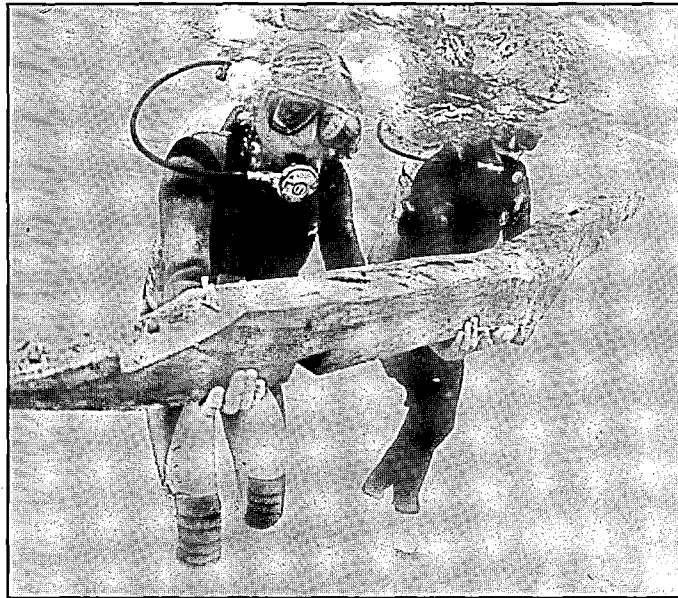

Photo by I. Grinberg. By courtesy of Dr E. Linder and Y. Kahanov, Maagan Michael Project

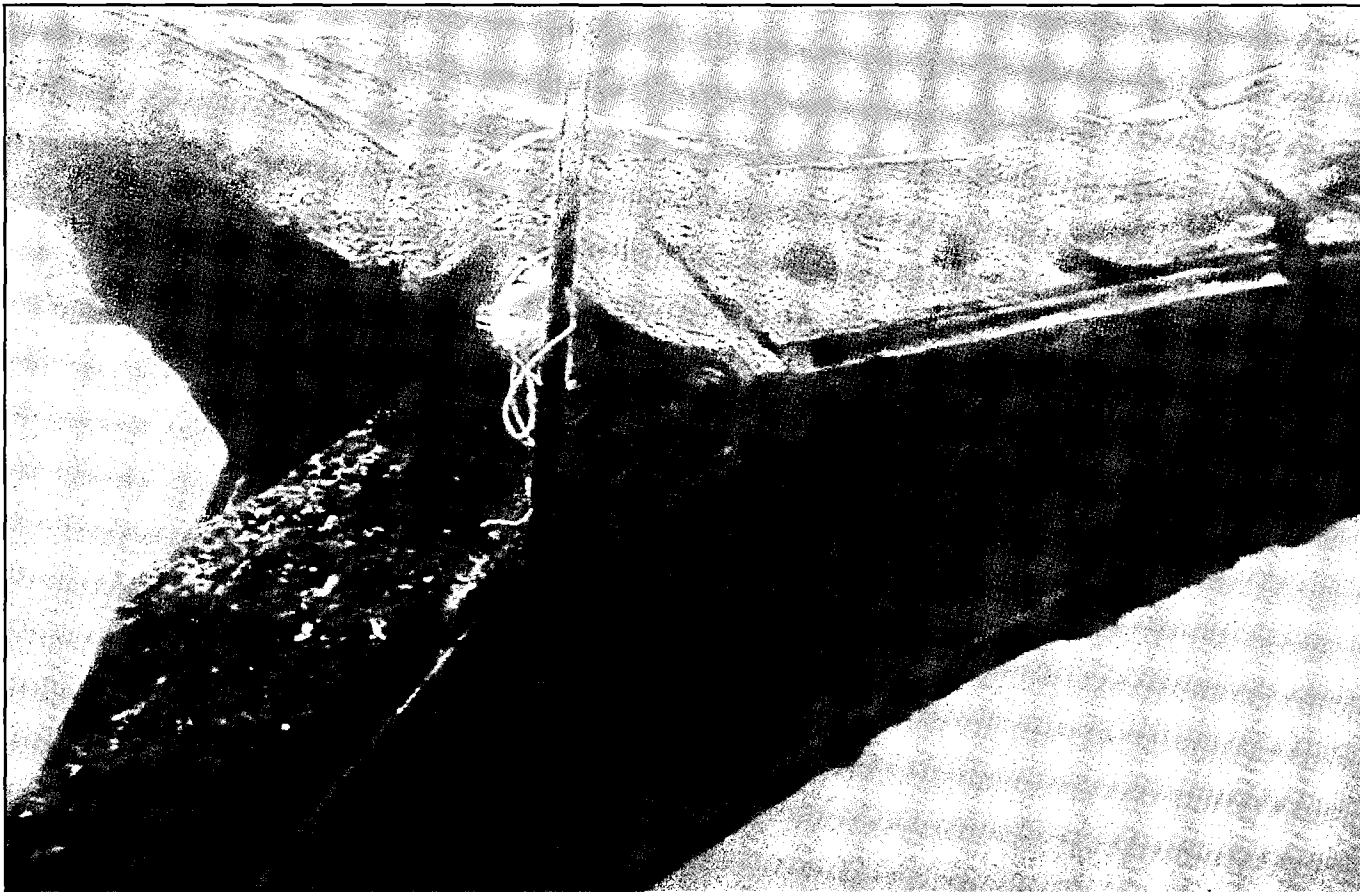
тельность и публикации. Во время подготовки этой статьи сотрудники отдела показали мне группу якорей, которые будут доставлены в Музей Палмахим по окончании их изучения. Таким образом, находки, собранные в Морском отделе, являются главным источником пополнения музеев относительно недавно открытыми предметами материальной культуры.

Национальный морской музей в Хайфе

Это учреждение было основано в 1953 году покойным А. Бен-Эли, израильским морским офицером, который разместил свою частную коллекцию в двух комнатах Матросского дома в центральном районе Хайфы. Музей переехал в свое нынешнее здание в 1972 году и является частью Городского музея Хайфы, включающего в себя несколько художественных и археологических музеев. Неофициальный титул «национальный» отражает стремление и заинтересованность его основателей в создании всеобъемлющей экспозиции по истории навигации с ее зарождения в Древнем Египте до судоходства в современном Израиле. Два главных его раздела посвящены подводным находкам (главным образом каменным якорям и кувшинам, относящимся к бронзовому веку) и выдающемуся собранию карт, в котором представлено 3500 старинных карт и гравюр. Разделы поменьше посвящены морским мотивам на греческих и римских монетах и на масляных лампах, научных инструментах, статуэтках морских божеств и моделях кораблей. Все эти предметы включены в постоянную экспозицию, которая в последнее время почти не пополняется,

Аквалангисты поднимают на поверхность фрагмент остова судна Мааган Михаэль, потерпевшего кораблекрушение в 4 веке до нашей эры.

Photo by courtesy of the Israel Antiquities Authority

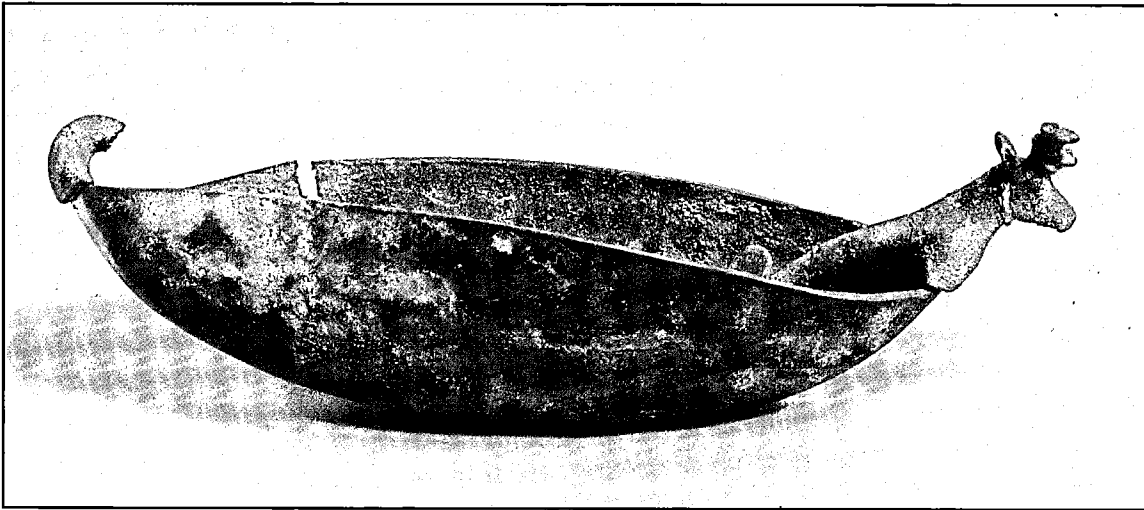
Бронзовый таран из Атлита, эллинистический период.

поскольку растет число местных музеев, а также замедлился ход научных исследований.

Гордостью коллекции, безусловно, является таран из Атлита. Осенью 1980 года в результате очередного погружения исследователь морских цивилизаций на мелководье Атлитского залива наткнулся на металлический предмет, край которого обнажился после шторма. Это оказался цельнолитой бронзовый таран с корабля эпохи эллинизма (3—2 века до нашей эры), у которого сохранились отдельные деревянные части. Когда неповрежденная бронза была очищена, на ней обнаружили четыре украшения, имеющих отношение к греческим божествам и морским культам: кадушей, шлем со звездой (представляющий Диоскуров), орел и, возможно, трезубец. Исследование деревянной части, прошедшей длительный процесс консервации путем погружения в смолу и ацетон, позволило установить оригинальность ее конструкции: она предохраняла от удара тарана само атакующее судно. Собственно таран представляет собой в некотором роде шедевр. Он обогатил наши знания в области ко-

раблестроения и искусства ведения войны на море в древности. Но как военный корабль эллинистической эпохи мог потерять свой тяжелый таран так близко от берега, а сам — словно испарился? Это по-прежнему остается загадкой.

Копия тарана была показана в 1992 году на выставке *Морская Святая земля*, представлявшей Израиль в Генуе на международных торжествах, посвященных 500-летию мореплавания Колумба. Экспозиция (курировавшаяся автором данной статьи) называлась *Средиземноморские цивилизации в Древнем Израиле от эпохи бронзового века до крестоносцев*. Она была своеобразным подведением итогов 30-летних подводных раскопок в главных исторических местах Израиля. Важную роль в деятельности и развитии музея играют его связи с Университетом Хайфы. Морская мастерская, оборудованная в цокольном этаже, обеспечивает исследователей аппаратами для ныряния и проведения подводных раскопок, а также оказывает помощь ученым из Центра морских исследований Реканати в осуществлении проектов по таким темам, как морская история, изучение

омаров и медуз, искусственных рифов и геоморфологии побережья.

Центр морской и региональной археологии в Тель-Доре

Древний Дор известен тем, что в эпоху позднего бронзового века он был действующим портом — в частности, здесь в конце 12 века до нашей эры на берег высаживались представители многих народов, живших у моря. Расположенный между Аккой, Цезареей и Яффой, тремя крупными портами Палестины, он был процветающим городом в библейские времена и вплоть до персидского и эллинистического периодов. Тель-Дор, в котором с 1980 года ведутся систематические раскопки, стал одним из главных мест археологических работ в Израиле, и это потребовало создания местного музея для демонстрации в нем многочисленных археологических находок. Бухта, живописный скалистый берег и раскопки сделали Тель-Дор приморской достопримечательностью. В кибуце Нашолим, расположенном неподалеку от лагуны и от Тель-Дора, было приобретено старое каменное здание. Оно было построено бароном Ротшильдом в 1891 году в начале иммиграции в Палестину для изготовления винных бутылок, которые поставлялись для фабрики в Сихрон-Яаков на горе Кармель. Фабрика пришла в упадок в 1896 году, и ее нижний этаж был преобразован в морской центр и музей, хотя верхний еще предстоит реконструировать. Коллекции главной экспозиции состоят из предметов, привезенных из Теля и обнаруженных при подводных раскопках. Они включают статуэтки, масляные лампы,

драгоценности и монеты, тогда как морская коллекция состоит из нескольких десятков каменных, деревянных и металлических якорей, отражающих технические достижения своего времени. Кувшины и грузы, найденные на месте кораблекрушений, свидетельствуют о процветающей торговле между Дором и Восточным Средиземноморьем.

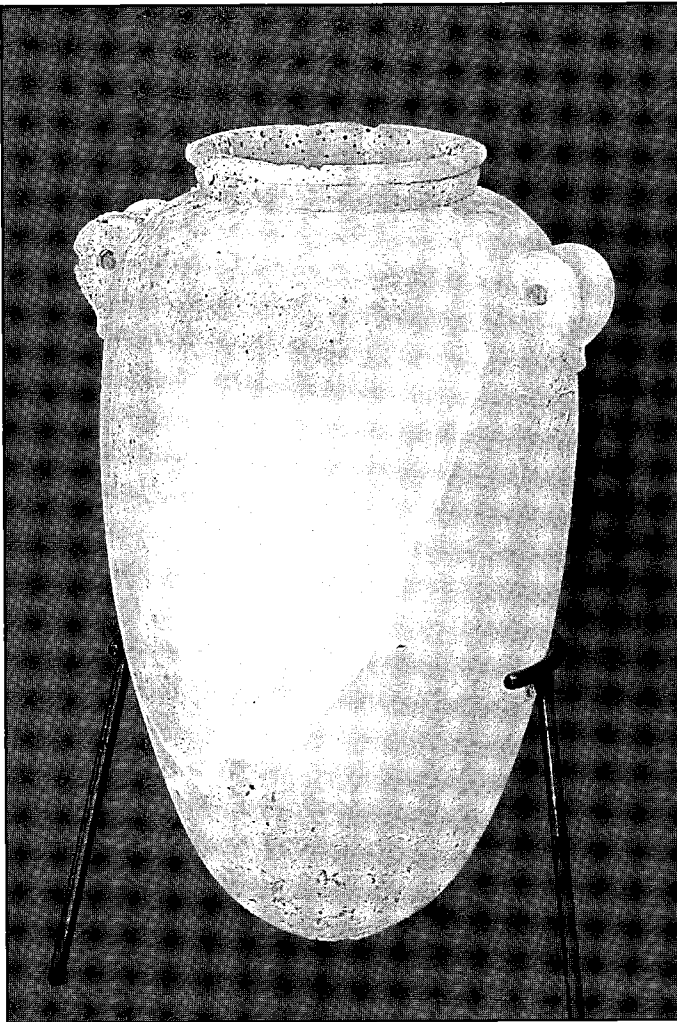
Другая морская коллекция принадлежит к гораздо более позднему периоду. Весной 1799 года, когда Наполеон был вынужден снять осаду Акки и отступить в Египет, его измученные войска вошли в Дор. Видя, что армия изнурена битвами и эпидемиями, Наполеон отдал приказ затопить все тяжелое вооружение и пушки, которые помешали бы быстрому отступлению. Некоторые из потопленных орудий были извлечены из-под воды в 1960-е годы, другие — начиная с 1976 года, когда аквалангисты и подводные археологи начали свои исследования по поручению Ассоциации подводных исследований и Государственного департамента древностей. Среди предметов, поднятых на поверхность, есть ружья, мечи, свинцовые пули и несколько бронзовых пушек, датированных концом XVIII столетия. Особый интерес представляет турецкая пушка, захваченная французами и потопленная вместе с остальным оружием.

Археологический музей в Шдот-Ям

Музей в Шдот-Ям — типичный пример археологических коллекций, которые имеются во многих кибуцах и посвящены местным находкам, включая морские. Музеем руководят

Бронзовая лодка из Финикии, украшенная головой оленя на носу и головой утки на корме, примерно 700—500 годы до нашей эры.

Photo by courtesy of the Israel Antiquities Authority

Алебастровый кувшин железного века, извлеченный из моря рыбаком южнее Палмахи́ма и теперь экспонирующийся в Музее Палмахи́ма.

два члена кибуца, основанного на побережье неподалеку от Цезарей в 1940 году, то есть за 8 лет до создания государства Израиль. Первые 20 членов кибуца хотели заниматься сельским хозяйством, а также освоением морских ресурсов и развитием рыболовства, в чем им помогали местные арабские рыбаки. Как вспоминает один из старожилов, первые предметы материальной культуры, извлеченные из моря, были сложены в рыболовные ящики, а монеты — в пачки из-под сигарет. Музей открылся в 1951 году. Его экспонатами были предметы, извлеченные из рыболовецких сетей, и другие находки, обнаруженные в окрестностях кибуца. Соседняя Цезаря стала главным местом раскопок и символом израильской подводной археологии.

Из мраморных статуй и остатков, найденных в этом районе, наиболее известна безголовая Тихе Кесарийская, нога которой покоится на носу корабля. Большинство статуй размещено в дворике, построенном в сти-

ле неоклассицизма. Монеты и драгоценные камни с морскими мотивами и бронзовые статуэтки Иисиды и Диоскуров, божеств, связанных с морской мифологией и мореплаванием, представлены в постоянной экспозиции. Обширная коллекция амфор занимает один из трех малых залов музея.

Музей древностей в кибуце Палмахи́м

Музей археологии Бейт-Мириам, часть культурного комплекса кибуца, является еще одним местным музеем, коллекция которого имеет частичное отношение к морю. Кибуц Палмахи́м был основан в 1949 году к северу от древнего Явне-Ям (Приморская Ямния). Его основатели избрали рыболовство в качестве одного из своих занятий. Амфоры и гончарные изделия, извлеченные рыбаками из моря, включены в постоянную экспозицию. Другие предметы были найдены во время проведения земляных работ по закладке фундаментов жилых домов. Характерно, что первые коллекции хранились в личных комнатах членов кибуца, затем во временном помещении, а позднее были переведены в музей, построенный в 1969 году на маленьком холме, возвышающемся над живописным песчаным берегом Палмахи́ма. В музее находится «региональная коллекция» предметов, обнаруженных при раскопках на юге Израи́ля. Что касается хронологического спектра представленных экспонатов, то здесь имеются и саркофаги медно-каменного века, и сосуды торговцев с Кипра, и египетские алебастровые кувшины, и черепок железного века с надписью на древнееврейском языке. Кроме того, здесь можно видеть статуэтки и сосуды персидского, эллинистического и византийского периодов, а также орнаментированный мозаичный пол, обнаруженный в близлежащем древнем порту, Ямнии Приморской (Явне).

Библейский и археологический музей в Иерусалиме

Библейский и археологический музей был основан в 1992 году на базе

коллекции Эли Боровски с целью создания «коллекции древних предметов, которые бы побуждали людей изучать Библию и мир, в котором она появилась», — отмечается в *Путеводителе по музею* (Иерусалим, 1992). Представить Библию в ее универсальном контексте через материальные культуры Египта, Вавилона, Финикии, Персии, Греции и Ханаана было поистине грандиозной задачей. Современная экспозиция построена по хронологическому принципу и разделена на тематические разделы, посвященные различным культурам. Среди шумерских печатей, терракотовых статуэток, саркофагов и мозаик встречается несколько бронзовых моделей финикийских и сардинских лодок, зачастую украшенных головами животных, включая уникальную «обезьянью лодку» (8 век до нашей эры) — жертвенник в виде трех сидящих обезьян. Финикийская лодка украшена цветами лотоса и, возможно, использовалась в качестве сосуда для

питья. Включение морской тематики в содержание экспозиции, очевидно, было обусловлено личным интересом собирателя, в то же время это подчеркивает важную роль отдельных морских предметов в большой историко-археологической экспозиции.

Музей Рувима и Эдит Гехт при Университете Хайфы

Музей создан на основе частной коллекции покойного доктора Рувима Гехта, переданной в дар Университету Хайфы. Он был открыт в 1984 году и является единственным университетским музеем в Израиле. Аналогом ему может служить Художественная галерея Жени Шрайбер в Университете Тель-Авива. Постоянная экспозиция охватывает медно-каменный век и византийский период и содержит впечатляющую коллекцию монет, весов и драгоценностей. В ней также имеются предметы, предоставленные

© А. Балтинстер

Общий вид выставки Финикийцы на северном побережье Израиля в Музее Гехта в Хайфе.

на временное хранение Департаментом древностей.

Музей Гехта сотрудничает с Морским отделом в Атлите и регулярно выставляет предметы, обнаруженные во время прибрежных раскопок в таких местах, как Акка, Тель-Нами и Цезаря. Он организует временные выставки и симпозиумы на морские темы, обслуживает ученых и студентов отделения морских цивилизаций и Центра морских исследований в этом университете.

Недавно прошедшая выставка *Финикийцы на северном побережье Израиля* (1993) — типичный тому пример. В ограниченном пространстве музея (100 м²) его кураторы (два преподавателя) и дизайнеры попытались дать исчерпывающее представление о главных аспектах финикийской цивилизации. Экспозиция освещала такие темы, как морская торговля, портовые сооружения, погребальные обычаи и религия. Предметы были размещены на полу, выложенном галькой, что создавало впечатление берега моря: Эту пользовавшуюся большим успехом экспозицию решили сделать постоянной, что случается крайне редко.

Представленные в настоящей статье морские коллекции и музеи можно разделить на две главные группы с учетом их отношения к приморским памятным местам Израиля. Это отношение либо географического (близость к местам раскопок или побережью), либо тематического (выставки, развернутые в более широком археологическом контексте) свойства. Разнообразие коллекций демонстрирует относительно неопределенное место, занимаемое морской тематикой в израильской археологии и музеологии. Несмотря на ее важность, она не по-

лучила должного внимания в стране, часто называемой «местом сплошных археологических раскопок». В последние 10—20 лет положение стало исправляться благодаря деятельности Департамента древностей и проведению подводных раскопок. Избыточность исторических мест, представляющих интерес с точки зрения археологии, и разнообразие экспонатов должны способствовать созданию большего числа местных музеев, но финансовые трудности, отсутствие соответствующих помещений и другие проблемы всячески препятствуют этому.

Мы не упомянули об особых открытиях, таких, как римское рыболовное судно из Галилейского моря («Лодка Иисуса») и останки корабля *Мааган Михаэль*, потерпевшего кораблекрушение в 4 веке до нашей эры, которые были обнаружены в 1989 году. Эти находки, в частности останки корабля, способствовали лучшему пониманию древнего мореплавания, торговли и кораблестроения и станут первыми экспонатами «музеев кораблей» в Израиле. ■

Примечание

Автор выражает благодарность следующим лицам и учреждениям за их сотрудничество: Бате и Эли Боровски (Библейский музей в Иерусалиме); Рине и Арнону Энгерту (Музей Шдог-Ям); Рене Минкофф, Хайфа; Офре Римон (Музей Гехта, Хайфа); Оре Зехави (Департамент средств массовой информации, университетская библиотека Хайфы); Зви Зехави (Музей Палмахим); Браше Зильберштейну (Музей Нашолим, Тель-Дор); сотрудникам Морского отдела (Неве-Ям).

Океанополь как центр научных исследований

Франсуа де Болье, Эрве Кемене
(François de Beaulieu, Hervé Quéméner)

В настоящее время 50 процентов океанографических исследований Франции ведется в Бресте и его окрестностях. Океанополь одновременно служит воплощением результатов научных изысканий и является полноценным участником работ, проводимых во всех связанных с млекопитающими областях. И хотя все партнеры по этому проекту с самого начала лелеяли большие надежды, никто не мог предвидеть такого выдающегося успеха. Об этом феномене рассказывают два автора — писатель и журналист.

Океанополь часто сравнивают с гигантским белым крабом, восседающим на набережной гавани в Бресте. Однако такое сравнение имеет свои пределы. Этот «краб», несомненно, с достоинством несет себя, бесперебойно выполняя все свои многочисленные функции. Говоря конкретно, он одновременно служит и туристским объектом, и учебным центром, и научной лабораторией. По каждому из этих основных направлений ведется множество дополнительных видов деятельности: подготовка аудиовизуальных документов, разведение животных, организация выставок, рекламные кампании, ремонт оборудования и перспективное планирование.

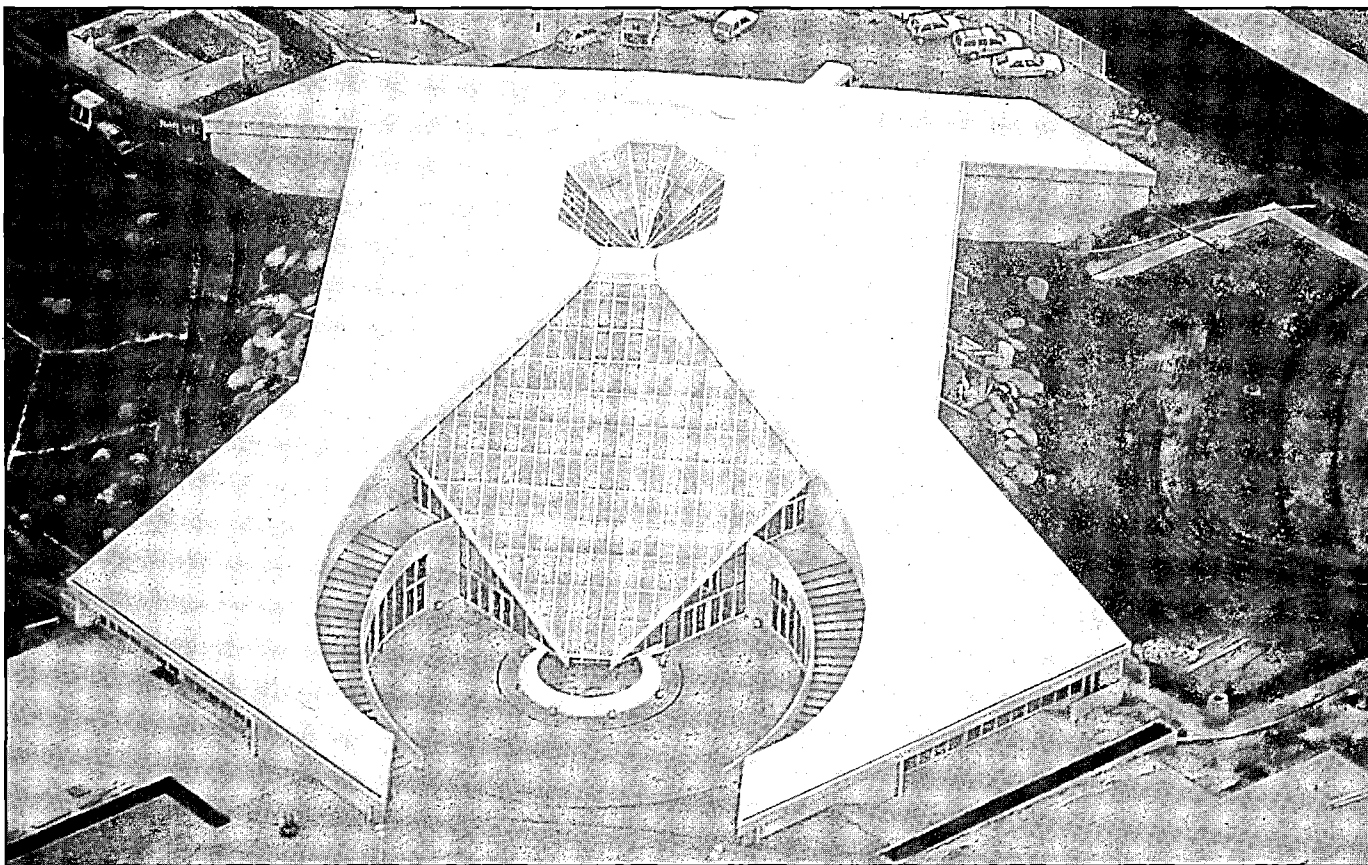
В отличие от обычных аквариумов, в которых обитают различные виды рыб, бессистемно свезенных со всех концов света с одной лишь целью их созерцания, Океанополь предлагает посетителям логическую схему осмотра. Прослушав общее вступление об океанах, публика получает подробные сведения о прибрежных водах Бретани и знакомится с их наиболее характерными особенностями. Каждый аквариум в Океанополе представляет собой окно в конкретную экосистему: приливная полоса и континентальный шельф, заросли ламинарии и взморника, пляж, подводная часть утеса, заводь. Аквариум с двумя обыкновенными тюленями (родившимися в неволе в Дании) занимает центральное место в экспозиции, посвященной китам, дельфинам и, конечно, тюленям. Для многих посетителей это еще и возможность узнать о том, что буквально в нескольких километрах отсюда, в водах Ируазского залива, обитают колония серых тюленей и две стаи крупных дельфинов. Вряд ли можно найти более убедительное доказательство богатства прибрежных вод Бретани! Выполненные в натуральную величину чучела дают конкретное представление о китообразных, встречающихся у наших берегов: черный круглоголовый кит, дельфин-белобочка, морская свинья, кит-полосатик и серый дельфин.

Зачарованные видом морских угрей, водорослей, актиний, обитающих вдоль морских берегов куликов-сорок, морских собачек, морских ежей и асцидий, посетители забывают о том, что за всеми этими картинами подводного мира скрываются невероятные технические ухищрения и что между домашним аквариумом с золотыми рыбками и Океанополем лежит такая же пропасть, как между фейерверком, устраиваемым в День взятия Бастилии 14 июля, и запуском ракеты «Ариан».

Недостаточно просто набрать воды далеко в море и наполнить ею аквариумы для поддержания жизнедеятельности видов и удовлетворения их самых разнообразных потребностей. Уровень температуры, интенсивность подачи кислорода, присутствие в воде вредных примесей, удаление отходов, подготовка корма для отдельных видов и даже создание волн — все это требует заботы и внимания. Но главное — это естественное освещение и морская вода, которую меняют каждую ночь. Именно они обеспечивают стихийное заселение больших аквариумов водорослями и беспозвоночными. Более того, здесь впервые в мире удалось заставить размножаться ламинарию!

Эмоции и любопытство

Жан-Поль Алез, главный проектировщик и директор аквариума, стал настоящим специалистом по аквариумистике. Он принадлежит к тому поколению исследователей, которые учились на крупномасштабных объектах, впервые созданных в США в 1970-е годы. По его словам, американцы быстро поняли, что нужно разжигать воображение посетителей сногшибательными экспозициями и создавать бассейны, не уступающие своими размерами их континенту. Огромные финансовые вливания позволили им достигнуть невероятных технических свершений. Кроме аквариума в парке Эпкотт (придуманного Диснеем), где устраиваются только представления, не обремененные просветительными функциями, были созданы аквариумы в Балтиморе, Бос-

Вид на Океанополь с воздуха — «гигантский белый краб», восседающий на набережной гавани в Бресте.

тоне и прежде всего в Монтерее, штат Калифорния (который стал мировым стандартом), где помимо задачи эмоционального воздействия решаются также задачи просветительского характера. Эти примеры из американской практики вдохновили нас на организацию аналогичных мероприятий, однако с учетом наших национальных особенностей, в частности в сфере научно-технической культуры.

Что касается эмоционального воздействия, то нужно быть выдавшим виды ныряльщиком, чтобы не восхититься представленными здесь подводными красотами. Действительно, такого скопления самых разных рыб не найти даже в настоящих морях, ведь в природе рыбы боязливы и стараются подалеке держаться друг от друга. Ну, а здесь, поскольку всех кормят в одно и то же время, приходится сдерживать свой темперамент даже наиболее задиристым из них. Благодаря такому небольшому отступлению от жестких правил океанических глубин мы можем наблюдать за жизнью густонаселенной экосистемы.

Что касается образования и просвещения, то здесь может удовлетворить свое любопытство каждый посетитель. Те, кому не хватает экспликаций,

могут воспользоваться услугами прекрасно оборудованного центра документации, расположенного в центральной части здания. В распоряжении школьников имеется специальная просветительная служба, сотрудники которой организуют для них экскурсии, включающие лабораторные эксперименты.

Однако сравнение с гигантскими американскими аквариумами не ограничивается лишь внутренним устройством Океанополя. Эрик Гюсно, директор Океанополя по вопросам науки и культуры, утверждает, что американские аквариумы создавались с целью вдохнуть новую жизнь в старые города, вступившие в полосу перемен и стремившиеся обрести новое лицо. Своим успехом они показали пример, достойный подражания, хотя, конечно, копируя их, необходимо учитывать европейский взгляд на вещи. К тому же размах океанографических исследований, проводимых в Бресте, требовал создания объекта, далеко выходящего за рамки простого развлекательного аттракциона.

Чтобы понять причины успеха Океанополя, следует вспомнить обстоятельства, при которых произошло его открытие в 1990 году. В то время Брест

был прямой противоположностью туристской достопримечательности. Даже при весьма приемлемых ценах на местные гостиницы никто не хотел заниматься продажей туров в этот крупнейший город департамента Финистер. А уж представить, что туристы привлекут экспонаты научного свойства...

Даже сами инициаторы проекта старались быть сдержанными в оценках и не слишком давать волю воображению. Сначала пришлось провести широкую рекламную кампанию и убедиться в том, что удастся привлечь публику, представление о которой на тот момент было весьма расплывчатым.

Долгий процесс вызревания идеи и многочисленные проволочки, в результате которых Океанополь открылся лишь в 1990 году, имели и положительное воздействие. Население Бреста, столь долго ждавшее открытия центра, буквально со всех ног устремилось в Пор-дю-Мулен-Блан, к тому же их сознание успело достаточно созреть для восприятия представленных здесь новых форм научной культуры. И наконец, кривая роста туризма в Бретани достигла своей наивысшей точки в 1990 году.

Действительно, в первый год центр принял 530 тыс. посетителей, а ведь участвовавший в осуществлении проекта мэр Бреста Жорж Кербра говорил, что ему «хватит» и 50 тыс. Оказались посрамленными и теоретические выкладки экспертов, занимавшихся технико-экономическим обоснованием проекта, которые прогнозировали цифру в 200 тыс. человек.

Океанополь буквально захлестнул наплыв посетителей, и ему пришлось искать новые пути, дабы не позволить этой волне погубить его. Брест нашел свою дорогу перемен, и теперь никакой избранник народа или кандидат на выборах не может отказаться от поддержки команды победителей.

Постоянное обновление

Сотрудники Океанополя превозмогли головокружение от первоначальных успехов и снова принялись за работу. Они не хотят почивать на лаврах. Их цель — упорный труд, направленный на обновление музеографических приемов и расширение экспозиции.

Каждые два года в центре устраивается крупная выставка. Постоянные ▶

Новаторские научные изыскания

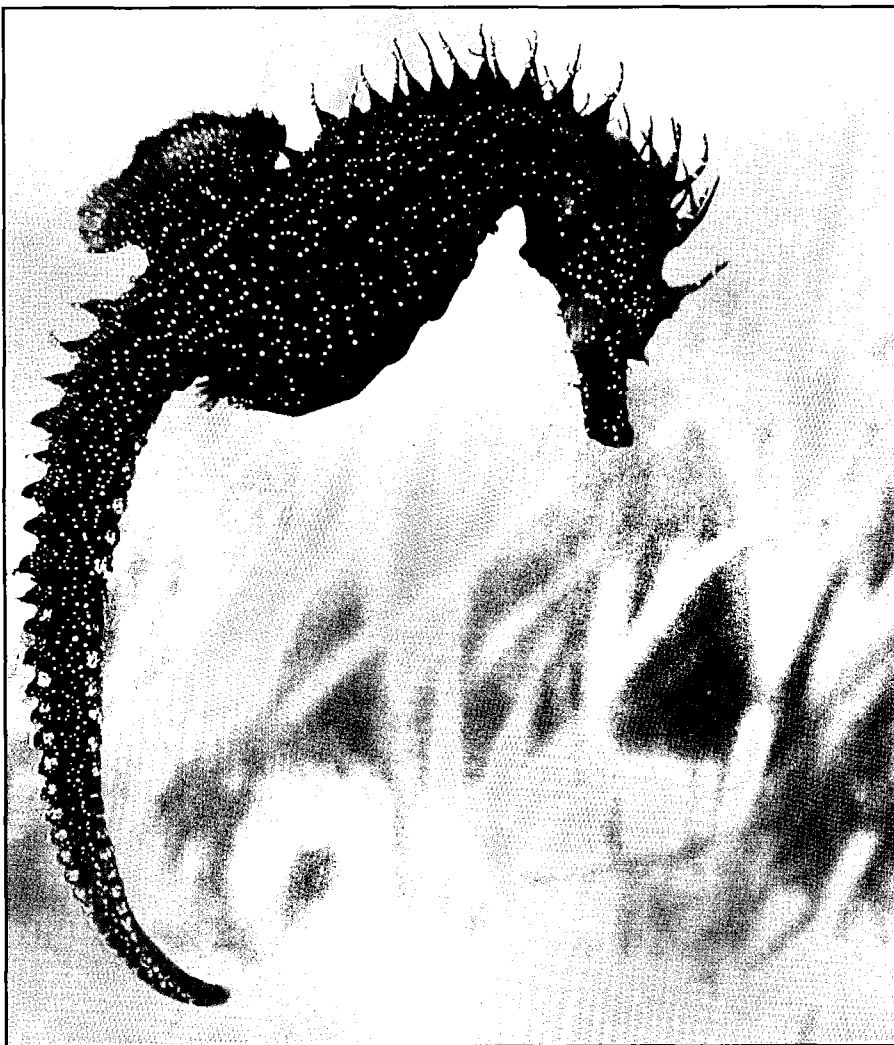
Об имеющемся в Океанополе центре лечения тюленей не раз писали в газетах и журналах, рассказывали по радио и телевидению. Любой тюлененок, выкинутый волнами на побережье Бретани, скорее всего, попадет в этот центр. Здесь его подлечат, подкормят в течение двух-трех месяцев, а затем выпустят в Ируазский залив. Сотрудники Океанополя также участвуют в регистрации всех морских млекопитающих, выбрасываемых на побережье Бретани. Однако мало кто знает о том, что за огромными аквариумами Океанополя располагается хорошо оснащенная лаборатория, изучающая жизнь тюленей и дельфинов в прибрежных акваториях. Недавно министерство окружающей среды присвоило этой лаборатории статус обсерватории природного наследия, занимающейся тюленями и морскими черепаками. Помимо постоянного штата сотрудников, возглавляемых Винсеном Риду, лаборатория приглашает исследователей со стороны. Персонал лаборатории также принимает участие в проводимых в настоящее время во Франции значительных научных экспериментах, посвященных большим оседлым дельфинам. Таким образом, сотрудники Океанополя реализуют давнюю мечту основателей музеев, которые не мыслили себе научную работу в отрыве от популяризации ее результатов.

посетители смогли познакомиться здесь с океанографией, водорослями и рыболовством. Регулярно обновляется экспозиция по отдельным тематическим разделам. Такая ротация позволила, к примеру, рассказать публике об актиниях, моллюсках, акулах, иглокожих, рыбках-клоунах, хитине, аквакультуре. С трех до двадцати выросло число интерактивных программ, были по-новому оформлены некоторые аспекты постоянной экспозиции. В 1993 году между чучелами китообразных был установлен новый и удивительно красивый аквариум. Он представляет собой огромный цилиндр из метакрилата, в котором плавают мерцающий косяк ставриды.

Демонтированные экспонаты не убираются, они обретают новую жизнь в других местах. Так, во Дворце открытий в Париже проходила выставка *Постоянно движущийся океан*, являвшая собой отражение всей океанографической экспозиции центра.

За пять лет сотрудники Океанополя подготовили более 50 фильмов: от коротких трехминутных лент об актиниях до полнометражной картины *Киты*, снятой в Аргентине, и *Лето на ледяных просторах Тикайя*, снятой на Земле Франца-Иосифа. Эти фильмы предназначены для показа в кинозалах центра и по телевидению. Это плод совместной работы ученых и

© Т. Юеих

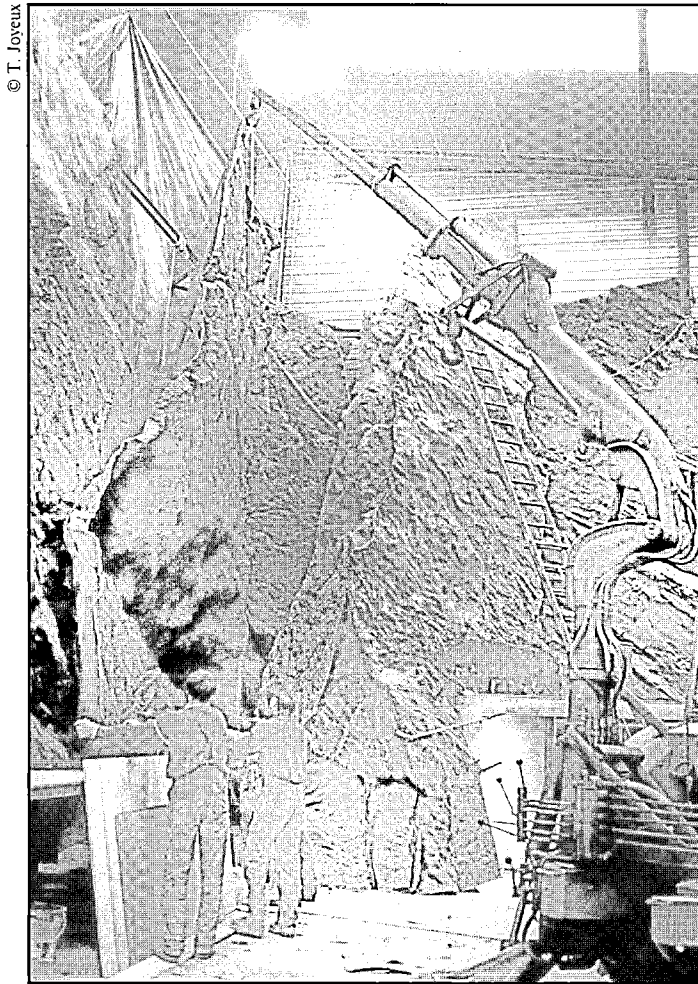
Морской конек нашел пристанище и пропитание в аквариуме Океанополя.

сотрудников отдела аудиовизуальной информации, возглавляемого Филиппом Куайо, который отвечает за систематизированную видеотеку, насчитывающую 20 тыс. слайдов. Руководство Океанополя также принимает участие в многочисленных симпозиумах, конгрессах и других мероприятиях, если, конечно, оно не выступает в качестве их непосредственного организатора.

В июле 1995 году Океанополь расширил свою деятельность, отчасти перенеся ее за пределы своей территории. Рядом с ним была оборудована большая площадка, посвященная загрязнению морской среды. Это — приятное и поражающее освежающей новизной дополнение к экскурсии, которое придает ей иной ритм. В то же время площадка выделяется из ряда других подобных выставок тем,

До сооружения этой огромной «водяной колонны» косяк сардин, плывущий против течения, могли наблюдать только охотящиеся за ними хищники.

© Т. Ложух

Утесы вдоль побережья Бретани воссозданы с таким мастерством, что некоторые морские организмы (усоногие раки, актинии, водоросли и т.д.) сразу же заселили стены из полиэфирной смолы.

что она отражает не ненасытность музейных работников, которым всегда мало экспозиций, а стремление к совершенствованию их качества. Уже несколько месяцев некоторые из сотрудников Океанополя обдумывают следующую выставку, которая расскажет посетителям о полюсах Земли и о связанных с ними научных изысканиях. Это позволит дать представление о достижениях, маячащих на горизонте 3-го тысячелетия. Из-за от-

сутствия (временного) гарантированного финансирования пока еще не принято окончательное решение, и потому не обязательно сдерживать свое воображение: можно было бы изобразить в Мулен-Блан полярные льды и заросшие мангровыми деревьями тропические болота, чтобы дать почувствовать посетителям, насколько далеки они друг от друга.

Океанополь — это уникальное сооружение, которое могло бы приносить пользу всей Европе. «Все занимающиеся проблемами моря организации положительно реагируют на наш центр, и, поскольку он совершенно определенно дает и будет давать прибыль, все избранные представители выражают готовность помогать ему», — в один голос говорят Эрик Гюсно и Жан-Поль Алез, прежде чем вновь удалиться в свои разделенные стеклянной перегородкой и похожие друг на друга, как близнецы, кабинеты, которые напоминают своим видом беспорядочно заселенные аквариумы, неизвестно каким образом взгромоздившиеся на вершину здания. Возможно, это самый странный экспонат в коллекции морской фауны Океанополя: гидра с двумя головами, которые прекрасно устраивают и дополняют друг друга, но именно их симбиоз служит ключом к успеху. ■

Примечание

Данная статья в полном варианте впервые была опубликована в октябрьском номере журнала *Ar Men* за 1995 год. — *Прим. ред.*

Наблюдение за водным миром в бассейне — важное звено в цепи, ведущей детей от лаборатории к аквариумам. Здесь можно увидеть и потрогать такие неведомые им создания, как морские ежи, морские звезды, крабы-отшельники и актинии.

© Т. Ложух

Воссоздание прошлого в морском музее с помощью современных технологий

Пьеранджело Камподонико
(Pierangelo Campodonico)

Интерактивные средства распространения информации и воссоздания, или реконструкции, среды позволяют по-новому показывать публике древнее морское наследие. Именно такую задачу решают сегодня итальянские музеи. Прежде чем поступить на факультет новой истории Генуэзского университета, Пьеранджело Камподонико получил профессию капитана морских судов. С 1988 года он является хранителем Военно-морского музея в Генуе. Активно занимался модернизацией этого музея, закончившейся в 1993 году. Организовал ряд выставок, посвященных мореплаванию в средние века и в наши дни. Автор монографий по истории мореплавания, особенно мореплавания у жителей Лигурии: Storia della marineria genovese (Milan, 1989) и Navi e marinai genovesi nell'età di Cristoforo Colombo (Milan, 1991).

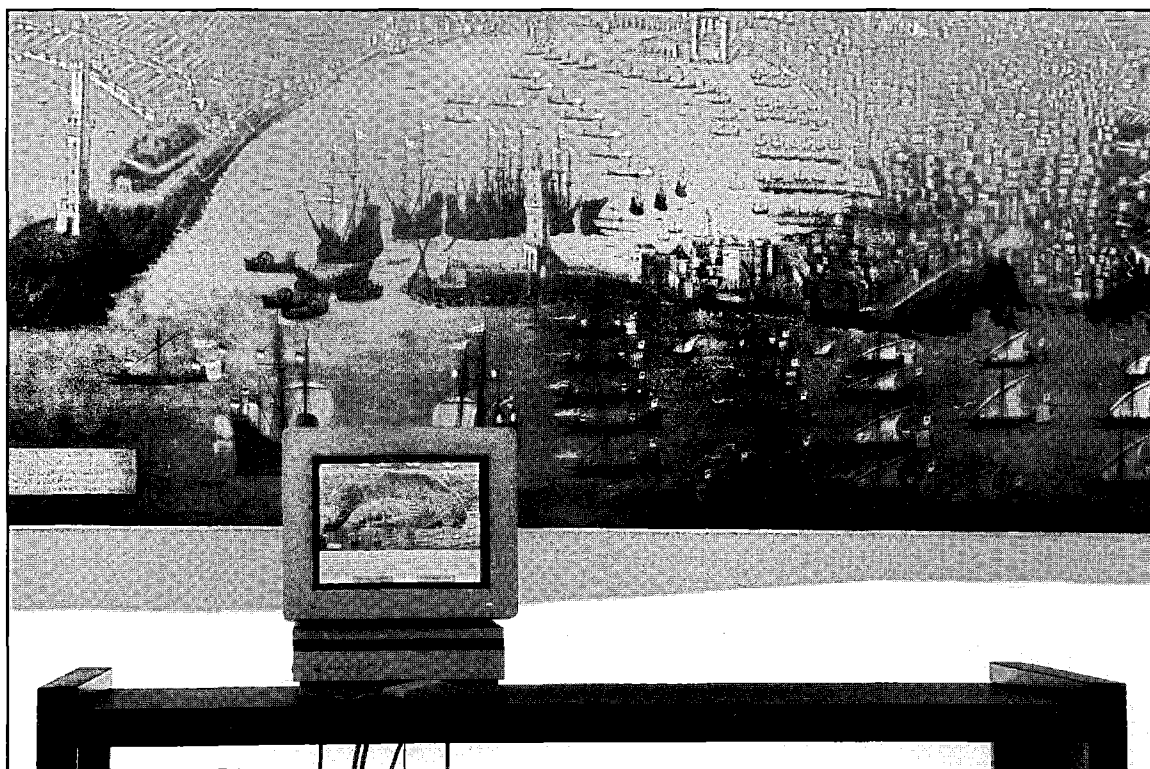
В такой стране, как Италия, столь удивительно богатой образцами художественного и культурного наследия, история мореплавания представляет собой лишь крошечный островок в безбрежных просторах изобразительного искусства, произведениями которого заполнены музеи и галереи Италии.

С самого начала морские и военноморские музеи строились в соответствии с традициями итальянских исторических музеев, в которых экспонаты всегда были наполнены глубоким смыслом, выполняли функцию мостов, соединяющих настоящее с прошлым. Глядя на эти реликвии, ценные уже своей связью с определенным историческим периодом, посетители воссоздавали в своем воображении далекие миры и эпохи точно так же, как воссоздается скелет по одной найденной косточке. Однако такой подход вот уже несколько лет ставится под сомнение. Подобные музеи оказываются в невыгодном положении по сравнению,

скажем, с художественными галереями, экспонаты которых не только отсылают нас к определенному историческому периоду, но и обретают всеобщее значение. Они еще больше проигрывают при их сравнении с современным обществом, привыкшим к образности, к воссозданию целостной картины, к виртуальной реальности. Вот почему использование таких методов, как мультимедийные компьютерные технологии и воссоздание среды, столь широко применяемых в других областях музеологии, более чем оправданно в морских музеях.

Предметы утрачивают свой изначальный смысл и, как следствие, способность доносить информацию до публики, которой приходится преодолевать два препятствия: во-первых, историческую, временную дистанцию, отделяющую предмет от настоящей эпохи, и, во-вторых, что касается морских музеев, удаленность от наших дней культуры мореплавателей. Иногда приходит осознание того, что

С помощью интерактивной компьютерной программы посетители путешествуют по Генуе XV века, изображенной на своей картине художником Кристофоро Грасси.

© Museo Navale di Genova

Зал аргонатов. Экспозиция рассказывает об устройстве их «корабля».

эти препятствия непреодолимы. Так случается, когда после посещения музея складывается впечатление, будто побывал в неведомом мире, язык которого понятен только посвященным. И все же «языковой барьер» вряд ли являет собой нечто неприступное. Наоборот, те черты, которые отделяют этот мир от нашего сегодняшнего, все то, что подспудно с ним связано, — приключения, экзотика, борьба с силами природы, встречи с самыми разными культурами — дают морским музеям бесчисленные воз-

можности пробуждать воображение посетителей, воздействовать на их чувства и одновременно просвещать их.

Нужно заставить предметы «говорить», но экспликации и этикетки, какими бы подробными они ни были, не достигают нужного эффекта. Как донести до посетителя содержание произведения, которое при должном изучении оказывается любопытным, а в обычной обстановке лишь ставит в тупик? Возьмем, к примеру, полотно Кристофоро Грасси, на котором изображена Генуя в 1481 году. Эта картина была знаменитой в XVI веке, но при беглом осмотре сегодня она мало что говорит нам. Взяв за основу эту картину, Отдел системно-интегрированной обработки и передачи информации генуэзского Атенеума в содружестве с Военно-морским музеем Генуи разработал интерактивную компьютерную программу, которая позволяет посетителям с помощью мыши путешествовать по Генуе XV века, бродить по ее улицам и площадям, которые можно узнать и сегодня, подслушивать разговоры горожан, всплывающие, если нужно, в виде овалов с текстом.

Мы привели пример маршрута, начинающегося почти традиционно — с предмета, в то время как воссоздание, или реконструкция, представляет собой подход, заимствованный из моделирования. Эта методика — будь то реконструкция похорон в Древнем Египте или обрядов приношения или жертвоприношения по обету от эпохи Возрождения до наших дней; воссоздание облика мореплавателей XIX века или строительство макетов судоверфей того же периода — всегда дает нам представление о данном предмете и заставляет работать мысль, что даже сегодня неумолимо влечет посетителей в морские музеи.

Прежде всего, корабль...

Корабль — это существенный элемент в культуре моря. Если посетители не знают, как он движется, многие особенности останутся для них непонятными: возьмем, например, приспособление повседневных

предметов к условиям моря, скажем бортики по краям стола, не дающие посуде соскальзывать на палубу при качке, или лампы на кардановом подвесе. А такой предмет, как капитанский репитей (компас с подсветкой, подвешиваемый циферблатом вниз в изголовье капитанской койки), покажется бессмысленным всем тем, кто никогда не был в капитанской каюте. Значение многих предметов, используемых в мореплавании, становится по-настоящему очевидным посетителю только в реальных условиях корабельной обстановки. Они просты и в большинстве своем незамысловаты, однако при этом удивительно функциональны, и в этом их сила.

В ходе переоборудования Военно-морского музея в Генуе, еще до того, как его двери распахнулись для публики в 1993 году, концепция витрины претерпела изменения. Не было больше смысла отделять экспонат от формы и функций его окружения. Каркас корабля эпохи Возрождения (киль и обшивка) превратился в контекст, в котором любая деталь, предназначенная для оснастки или отделки, приобретает свое значение: от пушек до кирас моряков, от юферсов до украшенной резьбой кормы.

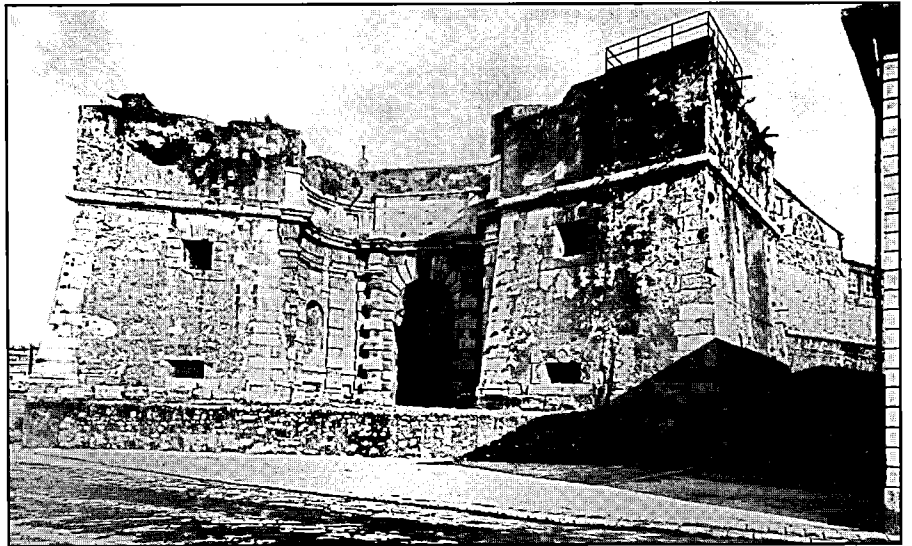
Корабль, если рассматривать его как витрину, служит той же цели, что и диорама в музеях естествознания. Именно благодаря такому подходу родился музейный объект, получивший название «Бриг» — деревянная конструкция, изготовленная для выставки *Capitani Coraggiosi*, проходившей во второй половине 1994 года в генуэзском Аквариуме. Посетители попадали в темную комнату, воссоздающую палубу брига, плывущего ночью по морским просторам. В глаза сразу бросался свет, лившийся сквозь иллюминаторы. Посетители поднимались на деревянную палубу, где перед их удивленным взором открывались сцены из корабельной жизни: сложенные паруса, каюта с койками и одеждой моряков, капитанская каюта, резко контрастирующая своим буржуазным убранством с помещениями для команды, штурманская

рубка, в которой буквально повернуться негде из-за обилия приборов. По мере того как глаза посетителей привыкали к тусклому освещению (10—15 люксов), их взору открывался капитанский мостик с зажженными боковыми фонарями и светящимися циферблатами навигационных приборов.

Реконструкция части судна (длиной всего 15 м) была сделана без какого-либо намерения воссоздать историческую правду. Здесь преследовались две основные экспозиционные цели: донести до посетителей мысль о том, что в море форма предметов неотделима от их функции, и дать им почувствовать неповторимость ночной вахты за штурвалом парусного брига под звездным небом. Для усиления эффекта присутствия в реальной обстановке было, естественно, использовано сочетание устройств, создающих ощущение движения, зрительного и звукового ряда. Главным было то, что посетители могли в полной мере испытать сложные чувства человека, оказавшегося на борту корабля во время шторма. Эта установка была продемонстрирована в качестве эксперимента на Генуэзской выставке в 1992 году. Ее также собираются установить в отделе новой истории, который планируется организовать в Военно-морском музее. Она создает атмосферу, которую можно было бы назвать «полным погружением»: внимание посетителя приковывается к тому, что происходит на экране, а звук и имитация движения переносят его в искусственно созданную, но контролируемую до мельчайших деталей реальность.

С другой стороны, методика реконструкции среды иногда используется для повышения ценности существующего объекта. Это как раз относится к другому проекту, который осуществляется в столице Лигурии совместно генуэзским Аквариумом и Военно-морским музеем. Проект касается здания Порто дель Моло, стоящего на оконечности пирса при входе в бухту. Оно было построено в середине XVI века архитектором Галеаццо Алесси из Перуджи и предна-

© Visual Service/Genova

Здание Порты дель Моло XVI века до реставрации.

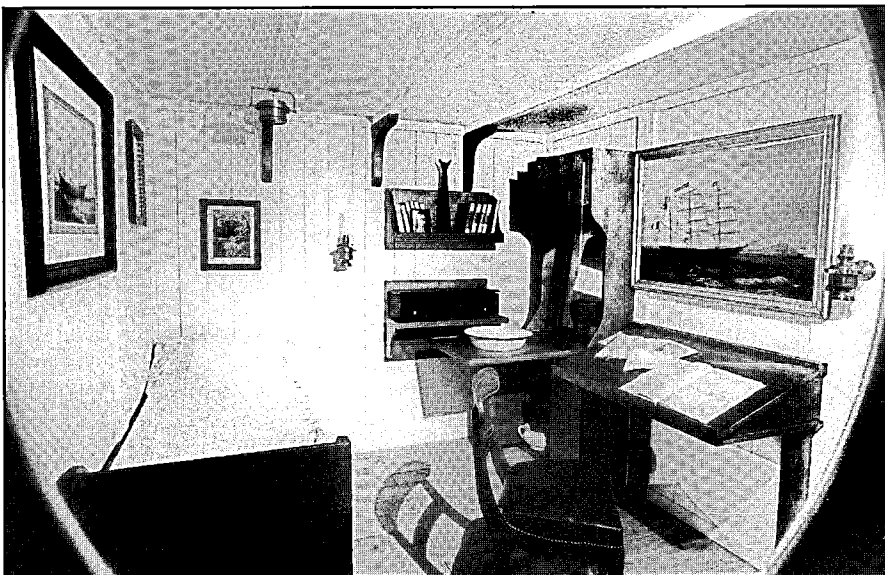
значалось для укрепления генуэзского порта, которому в те времена постоянно угрожали берберские пираты. Здание служило крепостью, имевшей свой арсенал пушек, таможенной границей между портом и городом, перекрестком местных и заморских торговых путей, средоточием испанцев, немцев, англичан и французов, евреев и мусульман, рабов, купцов и солдат, которые бок о бок жили в этом городе, ставшем конечным пунктом доставки серебра, которое привозили через Испанию из Северной и Южной Америки и благодаря которому существовали и процветали правительства и частные компании по всему миру.

Сегодня Порты дель Моло являет собой внушительных размеров сооружение площадью около 3 тыс. м². Здание находится на некотором удалении от деловой части порта и поэтому может легко прийти в упадок. В настоящее время обсуждается идея его восстановления. Планируется ре-

конструировать его внутренний облик со всеми промежуточными деревянными перекрытиями, по которым совершали обход солдаты гарнизона, а в вестибюле — представить сценки из повседневной жизни и показать акцизных чиновников, гребцов с галер, испанских солдат, генуэзских купцов, канониров, моряков — все точно так, как это было в лучшие годы этого здания, а именно в 1620-е годы.

Методика воссоздания, или реконструкции, среды получила довольно широкое распространение, особенно в англоязычных странах. В итальянских же музеях она лишь делает свои первые шаги. Если хранители морских музеев будут ограничиваться только сохранением произведений искусства и реликвий как свидетельств вековых традиций, они лишат себя возможности конкурировать с крупными музеями и потому неизбежно окажутся на задворках мировой музеологии. А это в свою очередь скажется на состоянии экономических и финансовых ресурсов, необходимых для выполнения ими своей истинной задачи: не просто сохранения гибнущих остатков исчезнувшей культуры, относящейся к царству морей и мореплавателей, а спасения и восстановления всего комплекса объектов, составляющих морское наследие, — от пирсов и портовых сооружений, протянувшихся вдоль городских берегов, до отдельных предметов. ■

© Visual Service/Genova

Вид на капитанскую каюту через иллюминатор реконструкции, созданной для выставки Capitani Coraggiosi.

Национальный морской музей в Антверпене: коллекция в историческом контексте

Вим Джонсон
(Wim Johnson)

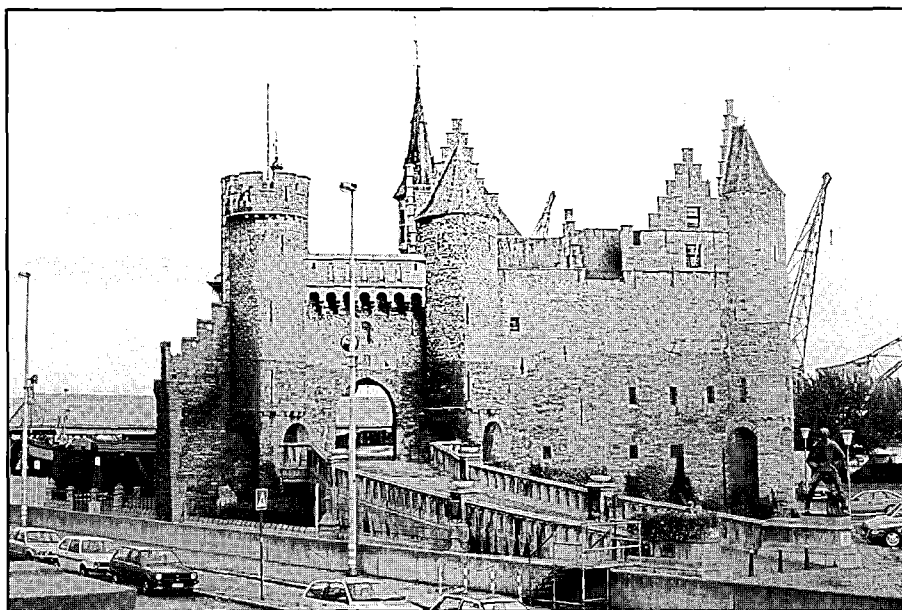
Тюрьма XVI века вряд ли может показаться подходящим местом для современного музея, однако, как свидетельствует Вим Джонсон, благодаря умелому подходу этот архитектурный кошмар был превращен в один из самых передовых морских музеев в мире. Автор статьи является заместителем директора этого музея.

Во многих странах морские музеи появились совсем недавно. Можно вспомнить один-два, основанных в XIX веке, но в целом это феномен наших дней. Самая первая коллекция морских предметов, открытая для публики, была преобразована в музей Дофэн в Париже. Не случайно этот музей был открыт 28 декабря 1827 года, вскоре после победы соединенного флота Великобритании, России и Франции в Наваринском сражении.

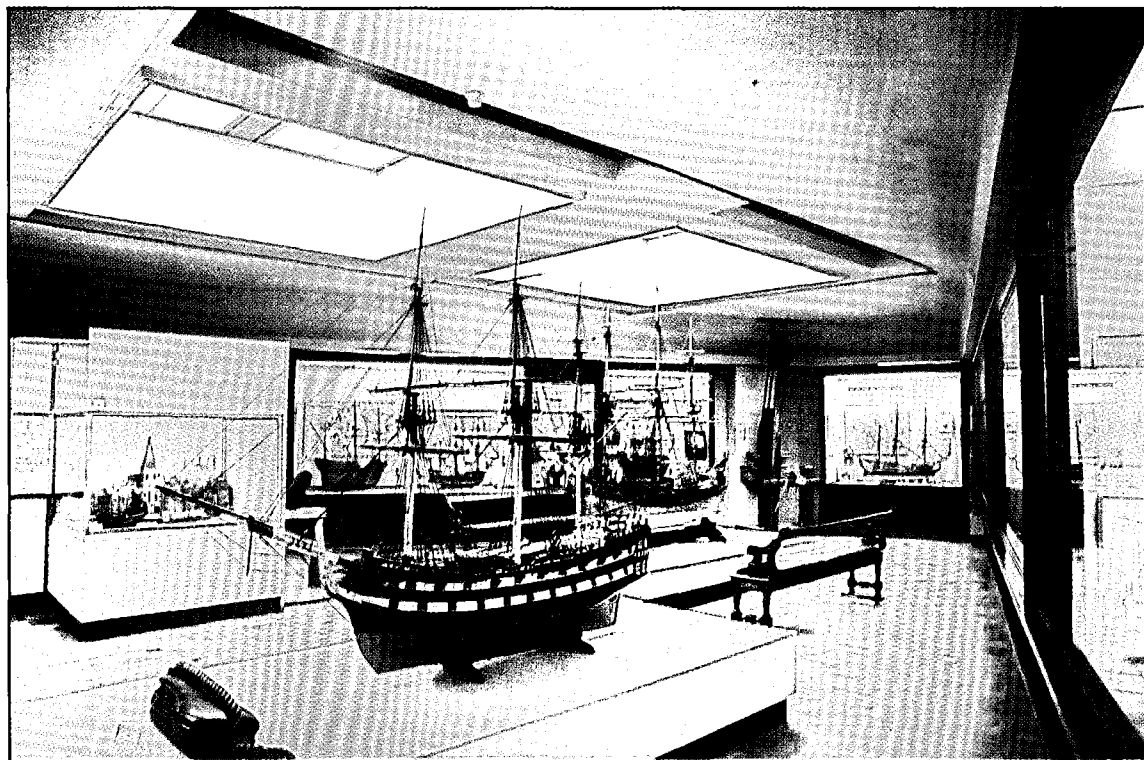
Прошло немало времени, прежде чем в большинстве европейских стран из любопытных местных коллекций выросли национальные собрания, отражавшие в едином контексте все стороны морского наследия. Так же как и во Франции, главным стимулом официального создания морских музеев было отчасти романтическое, отчасти патриотическое стремление продемонстрировать славное морское прошлое своей страны. Подталкивал к этому и другой факт — постепенное вытеснение парусников судами на паровой тяге, что свидетельствовало о завершении важной эпохи в истории судоходства. Морским музеям как бы вменялось в обязанность сохранять это наследие, дабы будущие поколения имели представление

о героических днях парусного флота — эпохе несгибаемых, железных моряков и деревянных кораблей. Через несколько десятилетий, когда пароходы также ушли в небытие, большинство морских музеев превратились в основанные на научных принципах учреждения, проявляющие растущий интерес к промышленной археологии. Собрания современных морских музеев дают нам возможность увидеть поразительный срез социальных, технических и чисто эстетических аспектов. Именно в этом кроется причина их всемирной популярности.

Большинство морских музеев обосновалось в сохранившихся исторических зданиях, что, несомненно, добавляло престижа этим новым учреждениям. Правда, изначально эти здания не задумывались как музеи, однако данный факт воспринимался скорее как преимущество, нежели недостаток, поскольку музеи как бы обрели ореол безвременья. Даже сегодня этот аспект остается весьма привлекательным для посетителей, которых нередко притягивает прежде всего очарование старого здания, а не хранящаяся в его стенах коллекция, с которой они знакомятся позже. Работавшие в подобных музеях храни-

Старая тюрьма в замке Стен на берегу реки Шельда.

© National Maritime Museum, Antwerp

Один из более «современных» залов музея, рассказывающий об истории судоходства.

тели должны учитывать это обстоятельство и помнить, что многочисленные связанные с этим отрицательные стороны еще не раз лишат их сна и покоя.

Примером такого великолепного исторического здания может служить Национальный морской музей в Антверпене, расположенный в старинном замке Стен (в буквальном переводе — каменное сооружение), возведенном в 1520 году по приказу императора Карла V в качестве муниципальной тюрьмы в историческом центре города. В XIX веке городу понадобились новые причалы и потому основная часть старых кварталов была снесена, чтобы straighten русло реки Шельда. В результате старая тюрьма оказалась отрезанной от других построек на берегу реки. В 1952 году сама тюрьма и ее близость к центру города натолкнули на мысль об организации здесь национального морского музея. Внушительная архитектурная громада старого здания с остатками городских стен XII века, включенных в его внешние стены более позднего периода, как магнит, привлекают туристов, прогуливающих вдоль реки. Несомненно, это служит козырной картой в руках сотрудников музея, которая во многом определяет его большую посещаемость.

К сожалению, есть здесь и отрицательные стороны, известные только тем, кто работает внутри этого здания. Пройдя через ворота, расположенные непосредственно под крытой галереей эпохи Возрождения, попадаешь в крошечный дворик, который, может быть, когда-то был хорош для лошади тюремного надзирателя, но сегодня никак не годится для приема более 100 тыс. посетителей в год! Далее, через маленькую дверь проходишь в вестибюль музея, устроенный в одной из бывших тюремных камер с единственным оконцем. Сразу после этого взбираешься по винтовой каменной лестнице на второй этаж. Пройдя по бесчисленным ступенькам и комнаткам, наконец с радостью выходишь на белый свет: посетителей ждут два просторных зала, оборудованных в «современной» части музея, пристроенной к основному зданию в 50-е годы.

Очарование и разнообразие

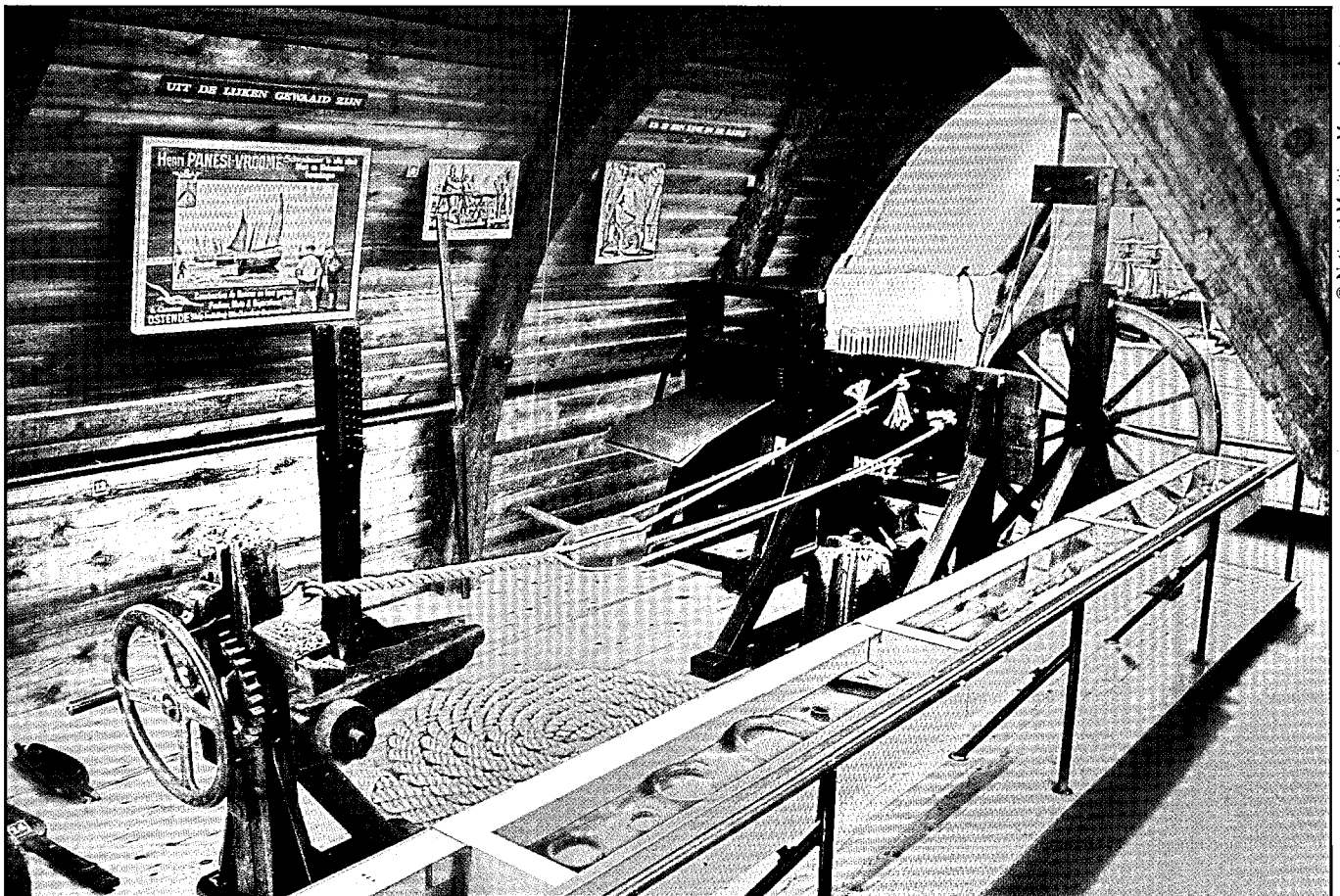
По сравнению с новыми морскими музеями, например великолепным Роттердамским музеем, или даже музеями, также устроенными в старинных, но гораздо более просторных зданиях, например дворце Шайо в Париже, замок Стен, казалось бы,

вряд ли можно было надлежащим образом приспособить для показа одной из наиболее значительных морских коллекций в Европе. Для выполнения этой задачи потребовалось немало фантазии и творчества. Во-первых, нужно было продумать логическую схему экскурсии, с тем чтобы соединить воедино многочисленные комнатки, расположенные на трех разных этажах. С этой целью был разработан спиральный маршрут, который, как змея, извивается вокруг главных лестниц. Посетителю, таким образом, предлагаются три разных круговых маршрута, идущих снизу вверх по разным этажам. По завершении верхнего круга посетители спускаются к выходу через новое крыло по двум прямым лестницам. В этой новой пристройке установлен просторный лифт. Им пользуются инвалиды и посетители престарелого воз-

раста, а также работники музея для подъема крупных экспонатов из расположенных на нижнем этаже хранилищ.

Вторая проблема касалась создания интерьеров экспозиционных залов. Некоторое время назад большинство морских музеев стремились заполнить свое экспозиционное пространство как можно большим числом превосходно выполненных макетов, зачастую расставленных как попало. В этом не было никакой системы, но по крайней мере посетители получали весьма приятное, а главное, веселое представление об имеющихся в музее коллекциях. В Антверпене, прежде всего из соображений ограниченности пространства тюрьмы Стен, было решено разбить коллекцию на отдельные тематические группы. Самые маленькие залы, с кото-

Зал на верхнем этаже музея, рассказывающий о различных приемах судостроения.

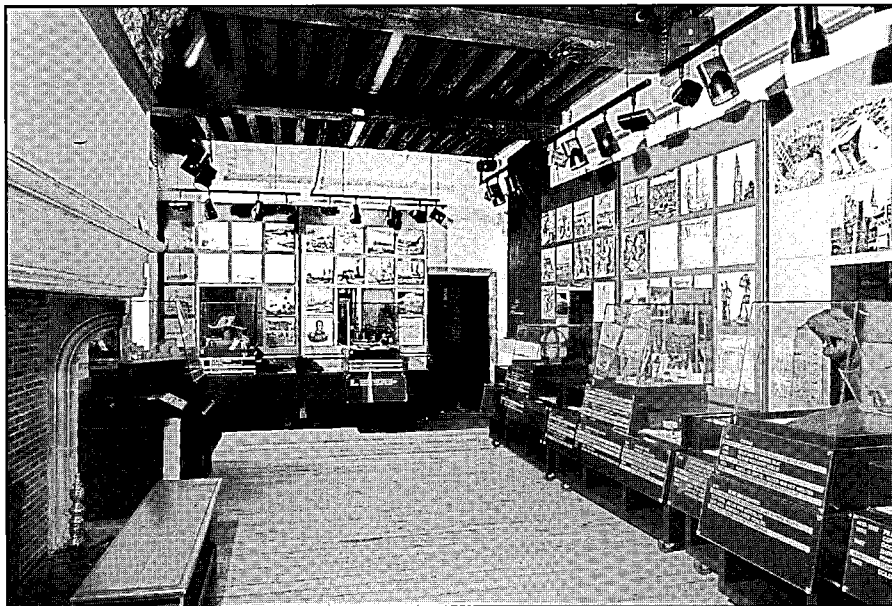
рых начинается осмотр экскурсии, дают представление о том, какие предметы собирает музей: от различных макетов и моделей до художественных произведений, посвященных морю. В следующих, более просторных помещениях освещаются конкретные аспекты национальной морской истории, например речное судоходство, рыбоводство, парусный спорт и судостроение. Там, где это возможно, тема экспозиции увязывается с архитектурой здания, что подчас приводит к весьма занимательным результатам. Так, например, для освещения темы верований и суеверий среди моряков была выбрана старая тюремная часовня, а экспонаты, рассказывающие о методах судостроения, установлены под поперечными потолочными балками, которые представляют собой прекрасный образец столярно-плотницкого искусства и воссоздают атмосферу многочисленных причалов, существовавших когда-то вдоль реки. Здесь «недостатки» старинного здания вдруг обернулись для умелого художника-оформителя прекрасной возможностью, а не каким-то кошмаром наяву. Вот так были сознательно использованы очарование и разнообразие изначального архитектурного облика, ставшего полноправным элементом музейного интерьера.

Другим принципом, легшим в основу оформления отдельных витрин, стала жанровость, стремление показать не только макет какого-либо судна, но и все богатство связанных с ним элементов. Так, макет речной деревянной баржи экспонируется вместе со старыми фотографиями этого же судна в действии и с различным оборудованием, использованным на его борту. В другом месте корабль Ост-Индской компании соседствует с китайской статуэткой капитана, жестяной банкой из-под чая и сервизом из тончайшего фарфора. Достаточно хоть немного пофантазировать, и каждая витрина расскажет вам свою историю, а не просто покажет связанные с морем замечательные предметы искусства и поделки. Такой дидактический подход увеличивает ценность отдельных экспонатов, а значит, и всей коллекции.

Здесь необходимо упомянуть, что большое внимание уделено просветительной функции экспозиции. Это нашло отражение, например, в экспликациях на четырех языках, которыми снабжены все демонстрируемые предметы, что особенно подкупает иностранных посетителей. В различных уголках музея можно прочесть рожденные морем пословицы

Небольшой зал музея, посвященный истории реки Шельда и Антверпенского порта.

© National Maritime Museum. Antwerp

© National Maritime Museum, Antwerp

Зал Радзал, ожидающий посетителей в конце экскурсии.

и афоризмы, свидетельствующие о глубоком проникновении морского жаргона в наш повседневный язык. Для детей была организована отдельная экскурсия, в ходе которой объясняется предназначение различных деталей и частей судна, дается элементарное понятие о судовых инструментах и рассказывается о связи между типом судна и исторической эпохой.

В заключение экскурсии посетители могут пройти в небольшой видеосалон и познакомиться с последними приобретениями музея. Последний зал музея называется Радзал. Его стены украшают великолепные полот-

на, изображающие Антверпен в XVI—XVII веках — эпоху наивысшего расцвета города. В этом зале также проводятся заседания Королевской морской академии и Ассоциации друзей Национального морского музея.

Используя описанные выше методы, можно переоборудовать в приличный музей любое, пусть даже сравнительно «неудобное» старинное здание. Архитектурные ограничения оригинального сооружения могут из непреодолимого препятствия превратиться в новую возможность придать ему весьма достойный музейный облик. ■

Ветры перемен в Литве

Алоукас Каздайлис
(Aloyzas Kazdailis)

Морской центр был построен фактически тайным образом, получая поддержку от местных властей и жителей и бесплатно создавая свои замечательные коллекции благодаря изобретательному воображению его сотрудников и их умению обходить бюрократические уловки. Такова история создания комплекса, включающего музей, аквариум и дельфинариум, который сегодня преобразован в Морской культурный центр Приморской Литвы. О нем рассказывает директор центра, работающий в музее с 1970 года. Он разработал замысел экспозиции, посвященной истории навигации, и является автором нескольких детских книг о морском наследии, а также о флоре и фауне Балтийского и Карибского морей.

Клайпедскому Морскому музею и аквариуму (с 1994 года Морской культурный центр Приморской Литвы) всего 16 лет. Хотя для музея это младенческий возраст, ему суждено было пережить ряд эпохальных социальных перемен и одним махом пересечь разделительную линию, которая еще недавно казалась непреодолимой пропастью. Я считаю, что история его создания заслуживает того, чтобы она получила большую известность. Коллеги из музеев в странах бывшего социалистического блока могут узнать в ней и свое недавнее прошлое, которое порой помогает нам определить причины, заставляющие дуть ветры перемен. Это также способствует достижению лучшего взаимопонимания между музеями различных стран.

Посетители из западных стран спрашивают меня, почему такой обширный музейный комплекс, как Морской культурный центр Приморской Литвы (экспозиция, посвященная истории навигации, этнографическому рыболовству и морской фауне, а также аквариум и дельфинариум), был построен в Клайпедде, а не в одном из более крупных и известных портов на Балтике, например Риге или Таллине. Они представляют себе бывший СССР как монолитное государство, где все строго планировалось и делалось по указке из Москвы. Мы, жители Восточной Европы, не задаем себе подобных вопросов. Мы понимали, что план был всего лишь маской, скрывавшей откровенный субъективизм, при котором левая рука зачастую не знала, что делает правая. Именно эти субъективные факторы, причем весьма многочисленные, помогли нам.

Во-первых, в Клайпедде базировался большой рыболовный флот. Это означало, что материальное благополучие третьей части населения города зависело от моря. В 1970-е годы приток населения с Востока прекратился, и город вступил в пору культурного возрождения. На северной оконечности Куршской косы, песчаного полуострова, узкого и живописного, отделяющего Балтийское море от

пресноводного Куршского залива, возвышалась заброшенная, полуразрушенная крепость XIX века, построенная для защиты с моря подходов к Клайпедскому порту. Очень важным представлялся тот факт, что в Клайпедде были люди, возглавляемые мэром, которые знали, как преодолеть трудноразрешимые проблемы «развитого социализма», например нехватку жилья и продовольствия, и понимали, что возрождению культуры портового города следовало придать морской уклон. Они признавали также, что крепость, известная сегодня всем литовцам как Копгалисская крепость (что в переводе с литовского означает «конец дюн») и окруженная с трех сторон водой, была прекрасным местом для создания аквариума и морского музея.

Восстановление Копгалисской крепости и размещение в ней экспозиции продолжалось с 1973 по 1979 год. Все работы финансировались городскими властями и местными рыболовными организациями, которым удавалось процветать за спинами своих начальников из Министерства рыболовного флота СССР. Городские предприятия помогали поставками товаров и материалов, а горожане и даже члены местного совета оказывали содействие, когда надо было поработать ломом и лопатой.

Литовские власти закрывали глаза на то, что происходило в Клайпедде. Официально они «ничего не знали», поэтому в их докладах, направляемых в Москву, ничего не говорилось о строительстве морского музея и аквариума. Однако мы, будущие хранители музея, получили строгие инструкции избегать журналистов, с тем чтобы «секрет», известный всей Клайпедде, не был раскрыт в прессе. Если бы это произошло, то многочисленным организациям (финансовым, общественным, партийным и т.п.), ответственным за осуществление контроля и в то время обязанным в корне пресекать подобные вольности, пришлось бы вмешаться. К счастью, «секрет» удалось сохранить. А за две недели до намеченного открытия выставки музей посетили

Фотография представлена автором

ло высокопоставленное — второе или третье в СССР — официальное лицо из Москвы, которое одобрило нашу работу. После этого можно было снять завесу молчания. Вот так мы жили в то время. Нас можно было бы назвать опытными заговорщиками. Действительно, финансирование работ скрывалось так умело, что даже мы сами не могли сказать, во сколько обошлось создание музея. Как гласит народная мудрость, и концы в воду.

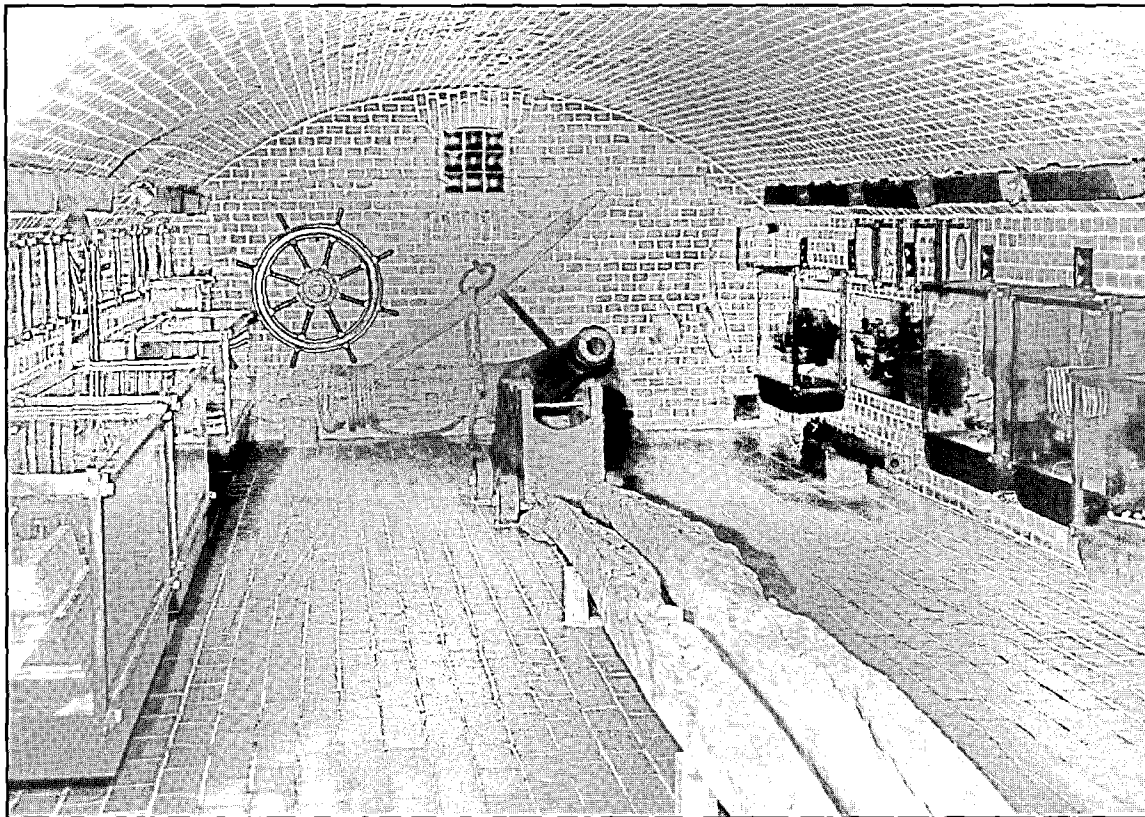
Оглядываясь назад, мы можем с чистой совестью заявить, что мы, музейные работники, в полной мере использовали возможности, которые создала для нас социалистическая экономика. Начиная с 1975 года мои коллеги на рыболовных и торговых судах отправлялись в Атлантический океан, Карибское море и Мексиканский залив для сбора образцов морской фауны. Мы даже повсеместно сопровождали исследовательские суда советского океанографического флота. Гидрографические суда, оборудованные аппаратурой для подводных исследований, давали нашим биологам прекрасные возможности

для сбора бесценных коллекций моллюсков, кораллов, ракообразных и других животных из Японского моря, Южно-Китайского моря и Тихого океана. Сегодня эти коллекции насчитывают более 20 тыс. образцов, в том числе 15 тыс. редких и очень ценных образцов моллюсков. И все это мы получили бесплатно! После событий 1990 года мы сразу ощутили потерю этих возможностей. Лишь в 1993 году по чистой случайности нам удалось установить связи с Университетом Нумеа в Новой Каледонии и дважды направлять по одному из наших экспертов в этот рай для специалиста в области конхиологии. Правда, теперь за все приходилось платить.

Мы использовали те же средства для получения живых экспонатов: осетров из дельты Волги, сивучей (*Eumetopias jubatus*) и моржей (*Odobenus rosmarus*) с берегов Чукотского моря, серых тюленей (*Halichoerus grypus*) из Финского залива. Однако сегодня, когда мы планируем возобновить экспозицию осетровых в преддверии летнего сезона 1996 года, мы должны спросить себя, а можем ли мы по-

Вид на Морской культурный комплекс Приморской Литвы с высоты птичьего полета. Морской музей и аквариум размещаются в восстановленной крепости, справа находится дельфинариум.

Фотография предоставлена автором

В пороховом погребе крепости развернута экспозиция, посвященная истории литовской навигации. Музей также известен своей коллекцией старинных якорей, демонстрирующейся на открытом воздухе.

зволить себе приобрести этих дорогих рыб.

Создать новые стандарты

Каждый музей хочет быть своеобразным и самобытным. Основной достопримечательностью Морского культурного центра Приморской Литвы являются крупные морские млекопитающие. Однако всегда существует риск получить результат, противоположный ожидаемому. Боже упаси, если посетители заметят, что вода в бассейнах грязная или несвежая. Тогда они просто отвернутся от нас. А технология очистки воды в бассейнах, слава Богу, доступна нам, так как досталась в наследство от тех времен, когда наши технические возможности были крайне скромными. Работникам аквариума самим приходилось латать даже такое сложное оборудование, как биологические фильтры и протеиновые пеноудалятели. Образно говоря, биологи мастерили деревянные велосипеды. Все это время они делали и делают все возможное, чтобы вода в бассейнах была чистой, а животные здоровыми.

Наша основная задача состоит в том, чтобы переоборудовать аквариум и привести условия, в которых содер-

жатся животные, к мировым стандартам. Нашу решимость действовать в этом направлении можно проиллюстрировать следующим примером. Проект дельфинариума, разработанный в 1986 году, предусматривал создание бассейна для представлений глубиной 4 м, что соответствовало международным стандартам, действовавшим в то время.

В 1990 году, когда бассейн был уже построен, мы неожиданно были проинформированы нашими коллегами из дельфинариума в Дуйсбурге (Германия) о решении, принятом управлениями охраны окружающей среды Европейского совета и предписывающем увеличить глубину бассейнов в дельфинариумах до 5 м. Мы могли пойти по пути наименьшего сопротивления, что было в традициях советской системы, и не обращать внимания на то, что происходит на Западе. Мы все же пошли на то, чтобы взломать бетонное дно толщиной 50 см, чтобы углубить бассейн на один метр. Это повлекло дополнительные финансовые расходы и на целый год задержало открытие дельфинариума, но было меньшим из двух зол.

Журналисты по-прежнему спрашивают меня, как в трудные 1990-е годы,

когда в Литве были остановлены все строительные проекты, нам, скромным музейным работникам, удалось продолжить и завершить строительство дельфинариума. Признаюсь, что я предпочел бы не думать об этом. Хотя наши усилия вряд ли можно было назвать героическими, нам тем не менее пришлось быть хитрыми и изворотливыми. В то время вся Литва кое-как управлялась с тем, что представляло собой огромное кладбище, на котором покоились остатки социалистической экономики. Однако самые серьезные из наших экономических проблем возникли вследствие резкого падения общественного интереса к культуре. Старшее поколение ушло в политику, а молодежь — в коммерцию. Даже в советские времена работники культуры не обманывали себя, воображая, что они выполняют жизненно важный заказ общества. Они понимали, что культура выполняла роль красивого фасада для маскировки социалистических лагун и что многие культурные мероприятия проводились по указке сверху. И все же было больно наблюдать за торжеством торгашеского духа в период расцвета национального возрождения. Единственное, что нас радовало тогда, так это хорошая репутация Морского музея и аквариума. Недаром в советские времена, когда любое проявление национальных чувств и любое национальное самовыражение немедленно получало ярлык «национализм» и преследовалось на каждом шагу, Литва могла похвастаться перед гостями двумя своими достижениями — баскетбольной командой «Жальгирис» и нашим музеем.

Дельфинариум появился на волне патриотизма, в условиях правовой неразберихи, возникшей в период перехода от плановой экономики к рыночной. Его строительство, как и Морского музея и аквариума, финансировалось крупнейшими предприятиями города, которые работали на запасах сырья, оставшихся от советских времен. Сегодня ни одно предприятие не возьмет на себя такую обузу.

Осенью и зимой, когда резко сокра-

щается поток посетителей, а вместе с ним и наши доходы, в то время как расходы на содержание огромного комплекса неуклонно растут, в мысли закрадываются сомнения: а может ли наша страна позволить себе иметь Морской культурный центр Приморской Литвы? Наши предки в подобной ситуации говаривали: «Эта шапка слишком хороша для Юргиса (География)». Георгий, о котором говорится в пословице, был деревенским дурачком, который носил чересчур богатую для него шапку.

Сочетание научных исследований, экологических целей и общественного интереса

Но давайте не будем бросаться богатой шапкой География, тем более что появились признаки перемен к лучшему. Например, открытие в апреле 1994 года дельфинариума способствовало частичному росту посещаемости, которая в сложный период политических и социальных перемен сократилась с 600 тыс. в 1989 году до 117 тыс. в 1993 году. Посетителей привлекает развлекательно-образовательная программа с участием дельфинов и сивучей, которую мы, не щадя сил и средств, обновляем каждый год. В то же время радостно видеть некоторое оживление интереса к культуре. Удовлетворение приносит и приток, пусть небольшой, туристов с Запада. Наши гости уходят от нас очень довольные. Мы имеем все основания полагать, что наша морская экспозиция по своему разнообразию значительно превосходит аналогичные экспозиции наших балтийских соседей. Кроме того, она позволяет успешно сочетать научные исследования и экологические цели с ролью притягательного для публики объекта.

Хохлатые пингвины (*Eudyptes cristatus*) появились в Копгалисской крепости еще до открытия экспозиции, в начале 1978 года. Первоначально основная задача наших биологов состояла в том, чтобы акклиматизировать этих экзотических птиц из Южного полушария. При этом не обошлось без казусов. Матильда, мо-

лодая самка пингвина, стараясь избавиться от ухаживаний незадачливого поклонника, сломала ногу. Операцию ей делал лучший хирург города, она быстро поправилась и стала любимицей публики. Хохлатые пингвины доживали у нас до почтенного возраста, однако все попытки наших биологов получить от них потомство заканчивались неудачей. Наконец им повезло с магеллановыми пингвинами (*Spheniscus Magellanicus*). Рождение каждого пингвиненка доставляло радость не только зрителям, но и каждому ребенку в Литве. Дети узнавали о счастливом событии из сообщений газет, телевидения и радио, и музей был завален письмами с предложениями относительно имен недавно вылупившихся птенцов. В мае, когда отмечается Международный день музеев, Копгалисская крепость распахивает свои двери перед всеми желающими, поскольку вход в этот день бесплатный. Здесь проводятся интересные праздничные мероприятия в честь пингвинят, а их «крестным родителям» вручаются награды.

Обычно героями в подобных случаях становятся появившиеся в течение года тюлени. Серые тюлени живут и размножаются в канале, окружающем Копгалис, с 1980 года. Это также результат огромных усилий. Теперь каждую весну стадо серых тюленей увеличивается в размерах, и мы уже не в состоянии прокормить это прожорливое семейство. Поэтому пара наших питомцев теперь живет в зоопарке города Хомутов в Чешской Республике, а другие тюлени-двулетки были выпущены в море для восстановления численности их популяции в естественных условиях. Момент выпуска тюленей в море также является неотъемлемой частью праздничных мероприятий.

Программа показа животных в дельфинарии преследует не только развлекательные цели. Посетители знакомятся с поразительными способностями дельфинов и с проблемами сохранения их мест обитания. Здесь дети узнают, что дельфины — это умные и нежные существа и что че-

ловек может завоевать доверие даже такого хищника, как сивуч. И конечно, огромные восторг и волнение вызывает у ребенка возможность сфотографироваться с одним из этих животных.

В дельфинарии ведется непрерывная и невидимая для посетителей упорная работа по обеспечению выживания дельфинов. Она включает такие меры, как строгий контроль за состоянием воды в бассейнах и жесткое соблюдение санитарных норм, профилактика, правильный рацион питания и даже использование эхоскопии для определения беременности у самок.

Сегодня ветры перемен требуют от нас заниматься коммерческой деятельностью, которую, возможно, многие сочтут неподходящей для музея, но без которой нам просто не выжить. В советские времена культура и коммерция не соприкасались друг с другом. Работники культуры обвиняли коммерцию во всех смертных грехах, а коммерческие организации игнорировали театры и музеи, заявляя, что они не приносят прибыли и не стоят беспокойства. Подобное отношение на себе испытали и мы, сотрудники Морского музея и аквариума. Так, более десяти лет у нас был всего один буфет на 13 человек. Летом экспозицию посещало от 4 до 5 тыс. человек ежедневно, а значит, чтобы купить бутылку лимонада, нужно было отстоять огромную очередь. Даже в проекте строительства дельфинария на 1000 мест не предусматривалось никакого кафе. Правда, существовали планы возведения специального здания для кафе, но все они так и остались на бумаге. К счастью, помещение дельфинария оказалось достаточно просторным, чтобы устроить в нем бар. Раньше туристов из западных стран удивляло отсутствие буклетов, открыток или сувениров в советских музеях. Сегодня мы расстались с этой печальной традицией и предлагаем гостям издания на четырех языках.

Сегодня любой разговор в Литве в конечном счете переходит на тему

денег. Это никого не удивляет, поскольку людей тревожит завтрашний день. И моя статья здесь не является исключением, так как без упоминания вопроса о финансах картина перемен в жизни Морского культурного центра Приморской Литвы была бы неполной. Мы не получаем никакой финансовой помощи от государства. Как и в советские времена, забота о центре была возложена на власти Клайпеды, которые испытывают хроническую нехватку денег. По западным меркам, входная плата в Центр незначительна: 75 центов за посещение аквариума и 2,5 доллара — дельфинария. Но мы не Запад, поэтому, учитывая реалии нашей жизни, и речи быть не может о повышении стоимости входных билетов.

Конечно, существует такое магическое слово, как спонсорство. К сожалению, в последнее время оно растеряло всю свою магическую силу. Мы пытались оживить этот источник фи-

нансирования, демонстрируя всем без исключения, что наша экспозиция является морским лицом Литвы. Чтобы на сей счет ни у кого не оставалось никакого сомнения, мы перед открытием дельфинария переименовали Морской музей и аквариум в Морской культурный центр Приморской Литвы. Правительство предоставило нам статус учреждения государственного значения, и морские организации Литвы стали нашими официальными спонсорами. По-видимому, наш расчет оправдался.

Ветры перемен, принесшие нам свободный рынок, научили нас уделять больше внимания рекламе и стремлению состоятельных отдыхающих к развлечениям. Поэтому летними вечерами мы предлагаем им особую программу. Однако самым успешным коммерческим начинанием я считаю инициативу наших зрителей морских животных: летом дети наших сотрудников с корзинами рыбы раз-

Кормление крошечного инкубаторного пингвиненка требует большой осторожности и огромного терпения.

Фотография предоставлена автором

Типичное хозяйство литовского рыбака. Весной здесь часто проводятся концерты народных исполнителей.

мешают на мосту через канал, где живут тюлени, и вокруг бассейнов во дворе крепости. Посетители не могут отказать в удовольствии — стоимостью всего несколько центов — своим детям покормить рыбой смышленого тюленя или ревущего сивуча. Это наилучший бизнес из тех, что я знаю: все три заинтересованные стороны остаются довольными, не говоря уже о том, что дети, участвуя в кормлении животных, получают нравственные и экологические уроки. ■

Примечание

Международный журнал "Museum" рад сообщить о появлении на свет двух пингвинят в Морском культурном центре Приморской Литвы 15 и 21 февраля 1996 года. (В соответствии с установившейся в музее традицией литовские дети направляют предложения с именами для малышей, окончательный выбор которых будет сделан в национальный день музеев.) К ним присоединились три балтийских тюлененка, которые родились 3, 4 и 5 марта соответственно. — Прим. ред.

ЮНЕСКО и защита подводного культурного наследия

Этьен Клеман, Линдел Протт
(Étienne Clément, Lyndel V. Prott)

В настоящее время отсутствует приемлемый для всех международный документ, регулирующий вопросы, связанные с подводным культурным наследием, общечеловеческим достоянием, судьба которого вызывает растущую тревогу. Линдел Протт, руководитель Секции международных стандартов Отдела ЮНЕСКО по культурному наследию, и Этьен Клеман, специалист по разработке программ той же секции, имеют большой опыт разрешения трудных вопросов, которые возникают в связи с отсутствием четких правил для спасателей, археологов и всех тех, кто желает заниматься подводным наследием. Авторы статьи рассматривают сложившуюся в данной области нетерпимую ситуацию и предлагают меры для ее исправления.

На протяжении многих лет археологов сильно беспокоит ущерб, наносимый научным интересам непрофессиональными действиями лиц, производящих работы по извлечению из-под воды культурного наследия, а также разрушение предметов материальной культуры, которые, по мнению неподготовленных членов команд по спасению утопленного имущества, не представляют коммерческой ценности. Значительные повреждения и разрушения предметам старины также причиняют спортсмены-ныряльщики и туристы, которые часто относятся к реликвиям как к простым сувенирам и нарушают целостность таких захоронений еще до их обследования специалистами.

Появление и широкое распространение индивидуальных дыхательных аппаратов для подводного плавания (аквалангов) значительно облегчили доступ к местам кораблекрушений, что привело к увеличению масштабов разграбления ценностей. Еще в 1974 году проведенные по заказу турецких властей исследования показали, что в прибрежных водах этой страны не осталось ни одного затонувшего в античные времена судна, куда бы уже не наведались грабители. В других странах искатели подводных сокровищ, чтобы получить быстрый доступ к драгоценным слиткам, нередко взрывали затонувшее судно. В ряде случаев они использовали на месте кораблекрушения специальную технику, при этом несколько не заботясь об обследовании и картировании данного участка, что приводило к уничтожению информации, которую можно было бы получить в ходе научных раскопок. В результате этого разрушению и даже уничтожению подвергались многие ценные артефакты, например старинные деревянные конструкции и детали кораблей, представляющие большой интерес для археологов. Стремление предотвратить варварское разрушение подводных культурно-исторических объектов во многих случаях заставляло то или иное государство распространять свою юрисдикцию за пределы его территориальных вод.

Более того, значительная и пока не исследованная часть подводного культурного наследия расположена на отдаленных участках континентального шельфа или же на больших глубинах, поэтому в настоящий момент заинтересованные государства не в состоянии осуществлять над ними надлежащий контроль. Этот факт можно проиллюстрировать весьма противоречивой ситуацией, которая сложилась в 1985 году вокруг подъема предметов с *Титаника*. Особую важность представляют собой суда, покоящиеся на больших глубинах, поскольку, учитывая разнообразные причины химического и биологического характера, в частности практически полное отсутствие кислорода, такие условия весьма способствуют консервации корабельных остатков, хотя стальные суда подвергаются сильному разрушению.

На региональном семинаре ЮНЕСКО по вопросам защиты движимого культурного достояния, который был проведен в австралийском городе Брисбен в 1986 году, разработано совместное заявление нормативного характера, касающееся подводного культурного наследия. В нем был сделан следующий вывод: «Если немедленно не принять конструктивные меры, то существует реальная опасность того, что наступление, предпринятое охотниками за сокровищами во всем мире, и особенно в Юго-Восточной Азии, приведет к трагической утрате существенной и важной части наследия».

Что надо защищать

Основную часть материалов, образующих подводное культурное наследие, составляют остатки кораблекрушений, имеющих историческое значение. Многие из них важны тем, что позволяют получить сведения, которые нельзя или почти невозможно почерпнуть при проведении наземных раскопок. Например, при внимательном научном исследовании этих остатков можно многое узнать о конструкции судна, корабельной жизни и торговых путях. Кроме того, изучение деревянной обшивки и конструкций кораблей позволяет получить

информацию об их происхождении. Корабельные остатки, по сути, представляют собой «капсулу времени» — любой предмет на борту можно датировать временем не позднее момента крушения, который в свою очередь несложно установить по найденным на судне монетам. Следовательно, такие изыскания позволяют дополнить и исправить данные, полученные в ходе наземных раскопок. Они также могут служить источником статистической информации, которой очень дорожат историки, занимающиеся античным временем и средневековым периодом, ввиду ее крайней скудости.

Разрозненные, но связанные с кораблекрушениями предметы также имеют большое значение. Обнаружение каменного якоря, применявшегося на судах во времена до железного века, дает важные сведения о торговых путях в доисторический период. Некоторые найденные под водой предметы бывает невозможно сразу соотнести с тем или иным древним кораблекрушением: зачастую тонущее судно, постепенно погружаясь, оставляет за собой длинный шлейф из различных предметов по мере того, как они смываются с борта корабля.

До изобретения акваланга и его распространения в период после второй мировой войны подводное культурное наследие находилось в относительной безопасности. Первые попытки поднять ценности со дна, особенно с больших глубин, чаще всего оканчивались неудачей, хотя в Средиземном море было обнаружено несколько мест кораблекрушений античного времени, а ловцам губок иногда удавалось на мелководье поднять на поверхность отдельные предметы.

В наше время на морском дне не осталось буквально ни одного объекта, который нельзя было бы обнаружить и обследовать. С помощью современного оборудования можно выявить любую аномалию на морском дне, а передовая техника позволяет поднять обнаруженные объекты. Эта техника, первоначально использовавшаяся для разведки природных ресурсов, в на-

стоящий момент применяется спасателями. Стоимость такого оборудования быстро снижается, поэтому оно вполне доступно охотникам за сокровищами, которых интересуют лишь предметы, имеющие коммерческую ценность, и которым не до соблюдения надлежащих методов археологических раскопок. В качестве недавнего примера коммерческих раскопок можно привести работы на корабле *Сентрал Америка*, обнаруженном на глубине 2500 м в 258 км от побережья штата Южная Каролина (США).

В поисках стандартов

ЮНЕСКО занимается данной проблемой с первых дней своего существования, а выработанные ею в 1956 году рекомендации относительно международных принципов археологических раскопок применимы и к подводным раскопкам. В 1981 году она также выпустила техническое руководство по подводной археологии. Совет Европы в 1978 году приступил к разработке проекта Европейской конвенции по защите подводного культурного наследия, который приобрел уже достаточный законченный вид, однако не был одобрен Советом Министров. Этот вопрос был снова поднят во время обсуждения Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 году, в результате чего на последнем этапе в нее были добавлены две соответствующие статьи (149 и 303). Однако многие эксперты в области культуры считают обе статьи неудовлетворительными и несовершенными, поскольку они не способны эффективно защищать подводное культурное наследие за пределами морских прибрежных зон, не разрешают коллизий притязаний между претендентами на собственность, задачами спасателей и интересами защиты культурного наследия. В них также отсутствуют рекомендации относительно методов обращения с культурным наследием. Кроме того, формулировки статей настолько расплывчаты, что допускают возможность их двусмысленного толкования.

Комитет по культурному наследию Ассоциации международного права

(АМП) (неправительственной организации, с которой ЮНЕСКО поддерживает информационные и консультативные связи) с 1990 по 1994 год занимался вопросами правовой защиты подводного культурного наследия и разработал проект конвенции, который был одобрен 65-й конференцией АМП (Буэнос-Айрес, 1994 год). Затем проект был передан в ЮНЕСКО для дальнейшей работы над ним, поскольку, по общему мнению, это входит в ее компетенцию. Изучив текст проекта, в ЮНЕСКО пришли к выводу, что он может стать приемлемой основой для его плодотворного обсуждения в качестве нового международного документа.

В целях подготовки — по просьбе Исполнительного совета ЮНЕСКО — исследования осуществимости этой задачи Секретариат ЮНЕСКО проанализировал все действующие международные правовые нормы, и в первую очередь соответствующие статьи Конвенции ООН по морскому праву, а также проект конвенции, разработанный Ассоциацией международного права. В своем заключении к исследованию Генеральный директор предложил включить данный вопрос в повестку 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в октябре 1995 года и предложил рекомендовать ей подготовить проект Конвенции.

В ходе обсуждения на Генеральной конференции стало очевидно, что для достижения международного урегулирования проблемы необходимо разрешить ряд важных вопросов. К ним относятся: соглашение о стандартах, подлежащих соблюдению при проведении раскопок подводного культурного наследия; правовой статус спасательных работ, а также — что самое важное — вопрос о юрисдикции, который сначала, еще до вынесения на

обсуждение государств-членов, должен быть рассмотрен соответствующими экспертами. Таким образом, Генеральная конференция ЮНЕСКО единодушно приняла резолюцию, в соответствии с которой Генеральному директору было рекомендовано:

продолжить дальнейшее обсуждение с Организацией Объединенных Наций Конвенции ООН по морскому праву, а также рассмотрение вопроса с Международной морской организацией (ММО);

организовать, по консультации с ООН и ММО, встречу экспертов в области археологии, спасения и юрисдикционных режимов;

довести мнения экспертов до сведения как государств—действительных членов ЮНЕСКО, так и стран, имеющих статус наблюдателей, и предложить им направлять свои замечания;

доложить о полученных результатах 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (1997 год), с тем чтобы участники определились относительно необходимости и путей решения этой проблемы на международной основе.

Экспертное совещание будет организовано ЮНЕСКО в мае 1996 года. На нем будут рассмотрены соответствующие статьи Конвенции ООН по морскому праву, исследование ЮНЕСКО их осуществимости, замечания государств-членов и ООН, а также результаты других форумов, в частности проект конвенции Ассоциации международного права, а также отчеты первой и второй Конференций национальных морских музеев (НММ), проходивших в Великобритании в 1995 и 1996 годах.

Возможно, что встречи, подобные конференциям НММ, будут организованы и в других частях света, например в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Экспертное совещание будет полностью рассмотреть вопрос о возможности достижения консенсуса в определенных областях и о необходимости переговоров между государствами по конкретным проблемам. После этого государства-члены рассмотрят и выскажут свои замечания по представленному докладу, которые затем будут вынесены на обсуждение Генеральной конференцией ЮНЕСКО в октябре 1997 года, которая, возможно, примет решение о необходимости урегулирования данной проблемы и, следовательно, относительно того, должен ли будущий документ быть международной конвенцией (которая принимается на Генеральной конференции большинством в две трети голосов и далее подлежит ратификации, принятию или присоединению к ней государствами-членами) или же рекомендацией (норма, принимаемая простым большинством голосов участников Генеральной конференции, которая не требует ее ратификации государствами-членами, однако последним предлагается выполнять ее положения). Тогда на своей следующей сессии (в 1999 году) Генеральная конференция сможет принять решение о тексте проекта, который предварительно будет направлен правительствам государств-членов. ■

Примечание

Данная статья написана в марте 1996 года. Результаты экспертного совещания будут доведены до сведения читателей *Международного журнала "Museum"*. — *Прим. ред.*

План действий на случай чрезвычайных ситуаций и готовность к ним: некоторые основные принципы

Грейм Гардинер
(Graeme Gardiner)

Предусмотрительность и коллективные действия — вот, по-видимому, два важнейших элемента, позволяющих справиться с последствиями чрезвычайных ситуаций. Грейм Гардинер получил подготовку в области консервации бумаги в Лондоне, где в настоящее время у него своя студия. Помимо выполнения консервационных работ он специализируется также на разработке и осуществлении программ обеспечения сохранности частных и государственных коллекций. В 1989 году он создал Европейский фонд консервации произведений искусства, который в настоящее время участвует в различных консервационных проектах, реализуемых в Европе.

Я не собираюсь составлять развернутое руководство по планированию мероприятий на случай различных бедствий, предназначенное для музеев и библиотек. Во-первых, не считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе, а во-вторых, для этого понадобилось бы намного больше места, чем позволяет объем статьи. И без того по данной проблеме опубликовано большое число книг и статей, в которых весьма подробно изложены планы действий на случай чрезвычайных ситуаций. Возможно, единственным их недостатком является то, что они, как правило, написаны специалистами, работающими в солидных учреждениях Европы и Америки, и поэтому рассчитаны на не менее подготовленного, чем они сами, читателя. В их работах речь идет о таком персонале — с точки зрения как его численности, так и качества подготовки — и такой финансовой поддержке, которые недоступны небольшим музеям и библиотекам, а кроме того, они рассматривают проблему скорее с идеальных, нежели практических, позиций. Поэтому множество мелких и небогатых учреждений, прекрасно понимая, что им следует делать, просто лишены возможности следовать предписанным рекомендациям. Хранители музеев, работники библиотек и архивов зачастую прекрасно осознают недостаточный уровень собственной готовности к возможным чрезвычайным ситуациям, но бывает крайне трудно убедить руководителей более высокого уровня, принимающих решения, в необходимости обеспечить должную подготовку. При напряженном бюджете нелегко обосновать любые дополнительные затраты времени, выделение помещений и финансовых средств на нечто неопределенное, что в будущем может и не произойти. Как показывает мой опыт, разработку плана действий на случай чрезвычайных ситуаций можно сравнить с приобретением индивидуальной медицинской страховки — в ее необходимости человек убеждается только после несчастного случая.

Например, в период с 1983 по 1985 год была проверена готовность музе-

ев, библиотек и архивов Великобритании к возможным чрезвычайным ситуациям. Результаты инспектирования вызвали озабоченность, поскольку менее 10 процентов всех обследованных учреждений имеют планы действия на случай возможных бедствий и еще меньшее их число — соответствующие программы подготовки. Крайне незначительное число сотрудников владеют необходимыми навыками борьбы с огнем; во многих случаях местные пожарные службы не имеют информации об особенностях конструкций музейных зданий; в половине проверенных учреждений не оказалось аварийно-спасательного оборудования.

Отчасти проблема объясняется отсутствием четкого определения понятия «бедствие». Можно точно установить момент, когда с бедствием покончено, но вот с чего оно начинается? Хильда Боухем, сотрудник библиотечного комплекса Калифорнийского университета, предложила такое толкование: «Бедствие — это то, что происходит, в случае если вы к этому не готовы». Это очень верно, и с этим трудно спорить. Л.Дж. Феннелли предлагает более развернутое определение: «Это чрезвычайная ситуация, которая возникает вследствие принятия недостаточных мер по ее предупреждению или по причине их полного отсутствия и которая приводит к таким разрушениям или нарушениям в работе, которые музей не в состоянии устранить собственными силами»¹. В обоих высказываниях подразумевается, что бедствие означает ситуацию, при которой требуется помощь извне, например местной пожарной службы, а все, что можно уладить и исправить силами самого учреждения, бедствием не является.

Понятие «бедствие» предполагает нечто катастрофическое, однако, согласно нашей терминологии, оно скорее связано с уровнем готовности к нему. Рассмотрим, например, случай небольшого возгорания в хранилище. Если у музея имеется надлежащий план действий в такой ситуации, то с пожаром быстро справится специально обученный персонал, который вос-

пользуется для этого соответствующими техническими средствами. Хотя отдельные предметы и могут быть при этом утрачены, общие потери будут сведены к минимуму, следовательно, подобная ситуация не может считаться катастрофической; в конце концов, все могло быть значительно хуже. При наличии такого плана, где все действия должным образом расписаны, некоторые поврежденные экспонаты могут быть восстановлены при условии незамедлительного проведения консервационной экспертизы. Очевидно, что добротный план действий на случай чрезвычайной ситуации должен преследовать две цели. Во-первых, он должен обеспечивать защиту коллекций в случае бедствия и, во-вторых, гарантировать наличие и доступность средств борьбы с ним. Как показывает опыт, в большинстве случаев количество поврежденных памятников превышает число полностью разрушенных предметов, с которыми уже ничего нельзя сделать. Поэтому в первую очередь следует заботиться о тех коллекциях, которые были повреждены. Если представляется реальным приостановить их дальнейшее разрушение, то мы вправе считать, что спасательная команда справилась со своей задачей. Без осуществления этих важных мер сразу после ликвидации огня стабилизировавшаяся ситуация может опять выйти из-под контроля.

Если учреждение заранее не позаботится о принятии надлежащих мер, последствия пожара могут быть значительно серьезнее. Огонь может быстро распространиться и не только вызвать более чем непоправимый ущерб, но и потребовать больших усилий для его тушения, что увеличит угрозу для все большего числа памятников. В довершение всего это замедлит принятие неотложных мер по их консервации, подвергая их повышенному риску. Чем меньше размеры коллекции, тем больше ее предметов может быть повреждено, что повышает катастрофичность последствий бедствия. Действительно, в подобных ситуациях более всего страдают небольшие частные собрания,

которые в меньшей степени защищены от различных бедствий. Подобные коллекции могут носить в высшей степени специализированный характер, поэтому цельная коллекция представляет значительно большую научную ценность, чем составляющие ее предметы, поэтому любые потери здесь невосполнимы.

Как справиться с непредвиденной ситуацией

Ранее я уже отмечал, что план действий на случай чрезвычайных ситуаций преследует две цели: (а) снизить риск бедствия и (б), если бедствие все же произошло, поставить положение под контроль и минимизировать возможные потери. Относительно просто предотвратить некоторые ситуации, связанные, например, с кражами, отдельными актами вандализма, разрывами труб, разрушением здания и т.д. Все эти происшествия, являющиеся следствием человеческой деятельности, хотя и нельзя предсказать, но можно предотвратить путем осуществления разумного руководства учреждением и благодаря бдительности его персонала. Большинство моих коллег в странах Западной Европы сталкивается именно с такими относительно простыми проблемами. Другие же регионы должны уметь противостоять намного менее контролируемым и более катастрофическим по своим последствиям явлениям, таким, как землетрясения и экстремальные погодные условия. В большинстве подобных случаев именно умение музея или библиотеки самим позаботиться о себе, не дожидаясь помощи со стороны, в конечном счете определяет размер причиненного ущерба.

Например, при землетрясении страдают не только музеи, полному разрушению могут подвергаться целые городские районы, и соответствующие службы, скорее всего, займутся последствиями катастрофы в местах своего размещения. Спасение музейных коллекций при подобных обстоятельствах никак не может быть приоритетной задачей, и, возможно, пройдет несколько дней и даже не-

дель, прежде чем причиненный ущерб и потери получают должную оценку. В данном случае безопасность коллекций зависит как от сейсмостойкости здания, так и от степени его защищенности от последующего разграбления. Все эти факторы теперь учитываются при проектировании музейных зданий. Кроме того, новые учреждения переселяются из зданий, построенных в современном западном стиле, где доминирующую роль играет система кондиционирования воздуха, практически полностью контролирующая состояние окружающей среды в помещениях. Использование традиционных методов строительства гарантирует размещение коллекций в сооружениях, более приспособленных к экстремальным условиям данной местности.

Объем финансирования, необходимый для разработки полномасштабного плана действий на случай чрезвычайных ситуаций, можно сократить, если каждый вопрос рассматривать по отдельности в течение необходимого для этого времени. Например, при небольших локальных авариях основным врагом, как правило, является вода, поэтому принятие любых превентивных мер позволит существенно снизить риск ее попадания в хранилища и смягчить последствия аварии. Многие из подобных мер могут быть осуществлены на практике местными специалистами, что еще больше снизит затраты. Наибольшую угрозу представляют системы водопровода, центрального отопления и охлаждения, поэтому желательно вывести их за пределы хранилищ. Но зачастую это оказывается невозможно, тогда трубы следует обернуть фольгой и тканью и поместить их в деревянные короба, что позволит снизить опасность разбрызгивания воды в случае повреждения трубопроводов. Это также уменьшит нагревание воздуха от труб и даст возможность поддерживать в помещении постоянную температуру и влажность. Чтобы не допустить значительного проникновения влаги в нежелательные места, можно отодвинуть полки от трубопроводов и обить их задние стенки полиэтиленом.

В случае пожара, как правило, наибольший вред причиняет не огонь, а вода, которую используют для борьбы с ним. Собственно очаг возгорания может быть невелик, но, чтобы предотвратить распространение огня, воду для тушения разбрызгивают на гораздо большей площади. Кроме того, вода просачивается сквозь стены и перекрытия, поражая таким образом обширную площадь. Определенные проблемы могут быть связаны и с дымом: сажа обычно оседает на поверхности музейных предметов, но, как только в дело вступает вода, с ней частицы копоти проникают внутрь памятников, что представляет немалую угрозу для их сохранности.

Наименее затратный способ сократить подобный ущерб связан с хранением коллекций в специальных высокопрочных ящиках архивного типа. Это позволит в значительной степени снизить вредное влияние копоти, а также избежать куда большей опасности — намокания экспонатов от водяных брызг и капель. Кроме того, такая мера защитит памятники от падающей штукатурки и строительных обломков, что неизбежно при использовании больших количеств воды. Другим преимуществом помещения потенциально уязвимых ценностей в специальные ящики является простота их эвакуации, что по силам даже неквалифицированному персоналу. Не следует недооценивать ущерб, который может быть нанесен коллекциям в ходе их эвакуации в условиях чрезвычайной ситуации. Эвакуация, как правило, осуществляется работниками аварийно-спасательных служб в экстремальных обстоятельствах, поэтому даже предметы, уцелевшие в результате самой аварии, могут быть повреждены при их последующей транспортировке.

Вопрос о том, где наиболее безопасно хранить коллекции в случае возникновения чрезвычайной ситуации, не должен откладываться на потом, иными словами, использование выбранных наугад временных хранилищ считается абсолютно неприемлемым. Следует также помнить, что

временное запасное хранилище подчас именно таковым и является, поэтому коллекции, прежде чем вернуться в родное учреждение, могут быть перемещены в третье или даже в четвертое место. Быстрая транспортировка в заранее намеченные надежные хранилища, где за ними может осуществляться надлежащий контроль и может быть проведена их каталогизация, обеспечат их сохранность в послеаварийный период. Изначальное размещение предметов в ящиках стандартного размера намного облегчит решение указанной проблемы, а вместе с тем и их инвентаризацию.

Преодоление последствий аварии может сильно замедлиться из-за плохо составленных каталогов или этикеток, особенно в тех случаях, когда в аварийных работах участвуют лица, имеющие слабое или не имеющие никакого представления о коллекциях. Эвакуация из хранилищ их содержимого в условиях чрезвычайной ситуации часто носит хаотический характер, поэтому успех приведения коллекций в порядок целиком зависит от качества сохранившихся каталогов. Утрата таких каталогов и указателей, хотя и не имеет столь тяжелых последствий, как потеря самих музейных экспонатов, тормозит весь процесс, оказывая серьезное и долгосрочное влияние на использование и доступность оставшихся частей коллекций. Поэтому любой план действий на случай чрезвычайных ситуаций предусматривает хранение копий каталогов в другом месте, вне основного хранилища, а развитие компьютерных технологий в настоящее время делает их вполне доступными для большинства музеев.

Еще одной проблемой, которую часто упускают из виду, является хранение оборудования, необходимого для ликвидации аварии. Длинный список таких инструментов и приспособлений предполагает выделение значительных средств для их приобретения и дополнительных площадей для их размещения. Кроме того, не следует забывать, что аварийное оборудование столь же уязвимо в чрезвычайных ситуациях, как и сами коллек-

ции. Поэтому не рекомендуется хранить все средства в одном месте, несмотря на то что это облегчает к ним доступ. С другой стороны, рассредоточение оборудования по разным местам приводит к обратной проблеме, особенно учитывая неразбериху, царящую во время аварии. Наилучшим решением представляется хранение аварийного оборудования вне музея, а также доленое участие — с другими местными музеями — в расходах по содержанию аварийно-спасательной службы. Хочется надеяться, что, за исключением широкомащтабных катастрофических явлений, когда поначалу от такого оборудования мало пользы, в конкретный момент с чрезвычайной ситуацией столкнется лишь один музей. Учитывая все это, можно предположить, что предоставление оборудования и материалов в распоряжение объединения из четырех-пяти музеев, а также формирование единой группы экспертов способствовали бы созданию условий для эффективной и оперативной деятельности аварийно-спасательной службы.

Другое преимущество такого плана заключается в поощрении местных музеев, библиотек и архивов к более активным и регулярным контактам. Стороны, занимающиеся сохранением культурного наследия, ощущают острую нехватку информации, отчето страдают все. Никто не станет утверждать, что наводнение, случившееся во Флоренции в 1966 году, стало для мировой культуры одной из самых тяжелых катастроф, однако усилия, предпринятые международным сообществом для борьбы с ним и его последствиями, и приобретенный им опыт коренным образом изменили лицо консервации и реставрации. Дальнейшее развитие идеи сотрудничества может привести к созданию региональных или национальных центров борьбы с чрезвычайными ситуациями. Подобный шаг со стороны местных или национальных властей может дать исключительно благоприятный результат. По крайней мере финансируемые государством музеи должны иметь доступ к централизованным базам аварийно-

го оборудования. Что касается экспертов, то они в случае бедствия оказывают помощь незамедлительно. Однако, могут возразить мне, в разгар какого-нибудь национального праздника бывает трудно найти в нужном количестве защитную полиэтиленовую пленку, промокательную бумагу, водяные насосы или портативные светильники. Поэтому, учитывая, что для большинства поврежденных водой предметов органического происхождения срок необратимого воздействия влаги составляет не более 72 часов, первоочередной задачей остается быстрая и эффективная доставка необходимых средств к месту аварии.

Человеческий фактор — главная угроза

Не могу обойти молчанием войны и терроризм, а также их последствия для музейных коллекций. Не будем обманывать себя: люди, огрубевшие и ожесточенные войной, представляют неизмеримо большую опасность, чем любое другое стихийное бедствие. Никакое планирование не способно компенсировать разрушения, вызванные войнами или восстаниями. Ни одно стихийное бедствие не может стать причиной таких мгновенных катастрофических последствий, к которым привел взрыв броневой противотанковой снаряда в исторической библиотеке Дубровника на Адриатическом побережье (Хорватия).

Война в бывшей Югославии напомнила нам о том, что теперь становится нормой для всех участников конфликта, — отношение к культуре противника во всех ее формах как к «законной» военной цели. Дубровник был обстрелян именно из-за его культурной ценности: никакого военного значения он не имел. Но дело в том, что, как почти все великие памятники культуры и искусства, этот древний хорватский город не просто памятное место — он представляет собой историческую ценность международного значения. После второй мировой войны были подписаны различные договоры и соглашения, с

помощью которых была предпринята попытка обеспечить безопасность имеющих всемирное значение культурно-исторических памятников и коллекций в случае вооруженного конфликта. Но разве можно представить себе такого дальновидного командующего, который готов пожертвовать жизнями своих солдат ради спасения культурных ценностей противника? Поэтому некоторые страны, включая Великобританию, так и не подписали эти документы.

В условиях вынужденного перемещения населения, вызванного конфликтом, ущерб и разрушения, причиняемые местным культурным центрам, подчас намного превышают потери, понесенные крупными национальными коллекциями, которые обычно вывозят еще до конфликта. В результате военных действий частные собрания и региональные музеи могут оказаться безнадежно расплывенными. Такой ущерб не всегда ошутим на международном уровне, но для конкретной местности это подлинная трагедия, поскольку коллекции, отражающие накопленные предыдущими поколениями региональные опыт и знания, становятся недоступны их потомкам. Именно такие коллекции, пусть довольно скромным образом, вносят большой вклад в формирование местной самобытности, чем иные знаменитые и всемирно признанные коллекции. В период политических и религиозных волнений культурные ценности привлекают к себе повышенный интерес со стороны мятежников и террористов. Во многих случаях их действия таят в себе не меньшую угрозу, чем любые другие опасности, поскольку они носят стихийный характер. Недостаточно информированные силы безопасности могут оставаться в стороне, безучастно наблюдая за актами вандализма и больше заботясь о том, чтобы сдерживать географическое разрастание конфликта, а не о том, чтобы воспрепятствовать разрушению конкретных зданий. Парадокс состоит в том, что для сохранения целостности коллекций необходимо ограничить доступ к ним, да и вообще зачем беспокоиться об их сохранности, если

никому, кроме избранной элиты, не дозволено любоваться этими сокровищами. Это комплексная проблема, так как информация, хранящаяся в наших учреждениях культуры, следует использовать для образования и просвещения, способствуя тем самым борьбе с невежеством, которое пытается уничтожить знания, противоречащие тем или иным доктринам.

Вооруженные конфликты могут помешать успешному претворению в жизнь плана действий на случай чрезвычайных ситуаций. Так, от музейного персонала и работников аварийных служб невозможно требовать столь же ответственных действий, как в мирное время, а многие из обычных мер неприемлемы. Наглядным примером этому может служить уничтожение университетской библиотеки в Бухаресте в ходе революционных событий в Румынии в декабре 1989 и январе 1990 годов. Библиотека была подожжена во время ожесточенных уличных боев, а поспешившая на помощь пожарная команда при попытке спасти книги была обстреляна. Никакие предусмотрительность и планирование не смогли бы помочь в подобной ситуации, и пожарным оставалось лишь наблюдать, как гибла в огне одна из прекраснейших библиотек Румынии.

К счастью, большинство бедствий не приобретают таких катастрофических масштабов, поэтому необходимо помнить, что возможный ущерб от подобных несчастий может быть существенно снижен при наличии даже самого простого плана действий на случай чрезвычайных ситуаций. Нехватка средств может быть восполнена грамотным управлением людскими и материальными ресурсами. Одной из повседневных обязанностей работников музея является надлежащее содержание и эксплуатация здания — например, следует регулярно проводить проверки для выявления протечек. Объединение коллективных усилий и взаимодействие с местными учреждениями, возможно, являются наиболее действенными, но, к сожалению, практически игнорируемыми средствами, которые позволя-

ют максимально эффективно распорядиться ограниченными ресурсами. Если бы музеи и библиотеки смогли объединить свои усилия, то это позволило бы привлечь к данной проблеме более пристальное внимание и выработать более жесткую позицию по этому вопросу. Даже столь доступное мероприятие, как приглашение работников местной пожарной службы для инспектирования здания, а также для знакомства с хранящимися в них коллекциями редких и хрупких предметов, могло бы уменьшить вероятность превращения потенциальной аварии в реальную. Достаточно малейшей оплошности — и бедствие станет фактом, так что более не следует рассматривать последствия в том и другом случае как не связанные между собой. ■

Примечание

1. L.J. Fennelly, *Museum, Library and Archive Security*, Boston/London, Butterworth, 1983.

Передвижная музейная служба Намибии

Кристин и Питер Наяс
(Christine and Peter Nias)

Намибия — большая страна с малочисленным населением, проживающим главным образом в отдаленных сельских районах. Поэтому здесь решено было использовать новаторский метод установления связей между школами и музеями в целях создания взаимовыгодной для них образовательной среды. Авторы статьи, учительница и исследователь, были направлены в Намибию британской гуманитарной организацией по просьбе правительства этой страны, чтобы помочь в осуществлении указанной программы.

Намибия имеет удивительно много маленьких музеев — около двадцати. В основном это частные музеи, а пять новых учреждений находятся на различных этапах создания. Население этой страны составляет всего 1,5 млн человек, оно рассредоточено на территории, которая в три раза превышает территорию Великобритании. За десятилетия существования в Намибии системы апартеида из нее было перекачано в другие страны большинство ее немногочисленных ресурсов. С момента получения независимости от Южной Африки в 1990 году ей пришлось немало сделать для решения стоящих перед ней многочисленных проблем. Одним из нововведений стало создание Передвижной музейной службы, правда не совсем обычной, поскольку она была в основном задумана как средство обучения и развития.

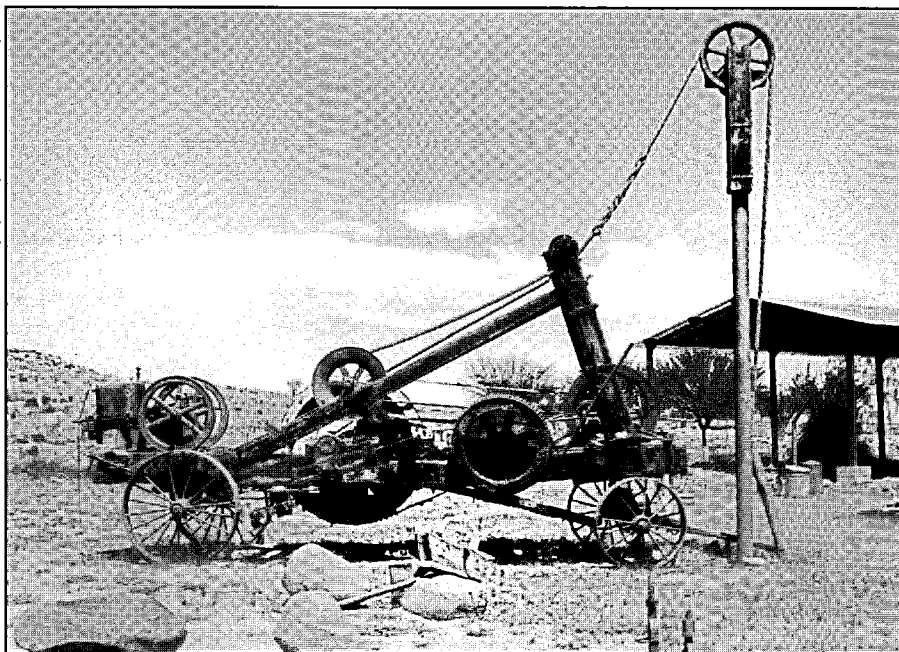
Предметом особой заботы были две проблемы. Во-первых, концепция использования музеев в качестве средства обучения является сравнительно новой для Намибии, так как только Национальный музей в столице страны, Виндхукке, брался за решение этого вопроса. Во-вторых, за долгие годы апартеида (в течение

которых некоторые музеи использовались для пропаганды культурных различий между народами) сформировалось мнение о том, что любая местная система образования (то есть не для белых) во всех отношениях бесперспективна.

Такова предыстория создания Передвижной музейной службы, которая должна была разом решить эти две проблемы, но с противоположных сторон. Так, музеи получили возможность стать полезными для системы формального образования, а школы — стимул для использования музеев в качестве средства обучения. Необходимо было поощрять любую инициативу по созданию музеев — на базе либо школы, либо общины — в многочисленных районах страны, где никогда ранее не было подобных учреждений.

С этой целью Министерство образования и культуры Намибии и Ассоциация музеев, неправительственная организация, обратились к британской гуманитарной организации «Заграничная добровольческая служба» с просьбой направить в страну двух человек для работы над проектом создания музейной службы и подготов-

Фотография предоставлена авторами

Музей Helmeringhausen, включенный в маршрут Передвижной музейной службы.

Фотография предоставлена авторами

Заседание комитета, на котором планируется создание нового музея Ондангва.

ки специалистов из числа намибийцев, которые могли бы в дальнейшем работать самостоятельно. («Заграничная добровольческая служба» занимается набором профессионалов в различных областях для направления их на работу в развивающиеся страны по их просьбам для заполнения вакантных должностей.)

Два добровольца приступили к работе в октябре 1992 года. На тот момент никто точно не знал, сколько музеев в стране. Первая задача состояла в том, чтобы установить, где они находятся и в какой поддержке нуждаются. Было также организовано посещение школ в различных районах страны и проведено изучение самых разнообразных источников информации в Виндхуке. Знакомство с Передвижной музейной и просветительной службой Ботсваны позволило увидеть и понять, как работает данная модель. Вся эта работа, проводившаяся в условиях ограниченного финансирования и нехватки транспорта (которые сохраняются и поныне), заняла почти год.

Было установлено, что персонал большинства музеев состоял из энергичных, но совершенно не подготовленных добровольцев, как правило намибийцев немецкого происхождения. Вследствие этого в них преимущественно освещалась немецкая история их страны и ни слова не говорилось о 75-летней оккупации страны Южной Африкой. (Только сегодня посетители могут познакомиться с этой стра-

ницей в истории Намибии, побывав в Национальном музее.) Кроме того, многолетняя относительная изоляция Намибии препятствовала проникновению в нее новых идей, что сказалось на простом и даже примитивном характере экспозиций.

В первый год разрабатывались цели Передвижной музейной службы, созданной на базе Национального музея, а также методы их осуществления. Первая цель состояла в оказании помощи существующим музеям, особенно в вопросах организации и управления, подготовки экспозиций, подготовки персонала и работы со школами. Был составлен и распространен ряд коротеньких сборников советов для музеев, касающихся таких тем, как музейное планирование, просветительная работа, каталогизация, методы экспонирования и новые идеи в области экспозиционной работы.

Вторая цель была направлена на оказание помощи — при поступлении заявки — и поддержку местных инициатив по созданию новых музеев. На сегодняшний день получено пять таких заявок. Особое воодушевление царит на севере Намибии, где проживает половина населения страны, но имеется всего лишь один (новый) музей. Оказываемая помощь включает консультирование по вопросам создания музейного комитета, получения финансирования и по другим проблемам, связанным с организацией, сбором информации и плани-

рованием и отчасти с экспозиционной деятельностью.

Третья цель заключается в содействии просветительному сотрудничеству между музеями и школами (и с привлечением более широкой общественности). Было решено отказаться от передвижных выставок или предоставления экспонатов во временное пользование, так как ознакомительные поездки, совершенные на этапе первоначального планирования, показали неэффективность службы, которая привозит выставку в школу на один день, чтобы потом целый год не появляться в ней. Контакты музея со школой только тогда будут иметь долгосрочную ценность для развития и формирования детей, если сами учителя научатся пользоваться музеями. Тогда и они и их ученики будут пополнять свои знания регулярно, а не только когда в их края придет Передвижная музейная служба. Другим фактором, повлиявшим на такое решение, стали результаты исследования, проведенного ЮНЕСКО после получения Намибией независимости в 1990 году, которые показали, что 90 процентов всех учителей нуждаются в переподготовке.

Акцент на практическую работу

В связи с этим Передвижная музейная служба организовала семь различных семинаров для учителей и инструкторов по обучению грамотности взрослого населения по таким темам, как история, география и экологические исследования. Все занятия были практическими, и учителя получили необходимый опыт по разработке конкретных проектов с использованием ресурсов, которыми располагают их школы.

При этом был рассмотрен самый широкий круг проблем, в том числе такие темы, как «Работа с предметами», предполагавшая тренировку способностей к наблюдению, фиксации и объяснению; «Как пользоваться местным музеем», «Как использовать местную окружающую среду», включавшая составление плана школы или деревни и изуче-

ние ее истории; «Как создавать устную историю» (с использованием и без использования магнитофона); «Использование драмы в истории и социальных исследованиях»; «Как подавать информацию в ходе работ по выполнению проекта» и «Создание алфавитной записи».

Для прохождения каждой из этих тем был разработан соответствующий курс обучения, при этом больше внимания уделялось методу его преподавания, чем его содержанию. Некоторые семинары проводились в местном музее с использованием предметов из его коллекции. Это дало возможность также персоналу музея и учителям познакомиться друг с другом. Школам было предложено разработать проекты для их последующего представления в музее, что позволило бы повысить его посещаемость родителями и другими учащимися. Это способствовало бы преодолению препятствия, точно описанного одной учительницей: «Раньше я боялась войти в музей, но теперь понимаю, как могу использовать его для проведения классных занятий». Она «боялась», так как музей всегда воспринимался как учреждение для бедных, не предназначенное для таких, как она. Школы, расположенные в районах, где нет местных музеев, всячески поощрялись к созданию коллекций в классах и к показу результатов связанной с этим работы.

В качестве следующего шага был проведен поиск и отбор учителей, которые могли бы служить связующим звеном между школами и музеями. Передвижная музейная служба организует их первоначальную подготовку и обеспечивает комплект материалов. Это должно помочь им в выполнении задачи ознакомления с музеями других учителей, с тем чтобы для последних посещение музея стало привычным делом и они знали, как его организовать. Замысел состоит в создании целой сети по всей стране, чтобы регионы не чувствовали себя беспомощными в этом вопросе, а Передвижная мобильная служба могла бы уделять больше времени оказанию помощи более отдаленным регионам.

Учитель показывает, как надо пользоваться кузнецкими инструментами в музее Grootfontein.

Новые подходы к преподаванию истории и естественных наук

Служба также помогает музеям в повышении их привлекательности для школ и широкой публики, и не столько традиционными методами, сколько путем создания экспозиций, должным образом рассказывающих об истории как чернокожего, так и белого населения. Важную роль в этом процессе играет устная история.

Существуют широкие возможности для использования музеев в целях преподавания достижений науки и техники, а также социальной и естественной истории. Это представляется исключительно важным для Намибии, где преподавание науки находится на очень низком уровне. Демонстрация в экспозициях водяных колес, насосов и небольших паровых двигателей может по-настоящему заинтересовать как учителей, так и учащихся. К сожалению, только в одном музее имеется несколько рабочих экспозиций, включающих передвижные предметы. Этот аспект содержания экспозиций, воспринимаемый как само собой разумеющееся в других странах, еще только предстоит развить применительно к условиям Намибии, где практически все экспозиции состоят из статичных предметов, которые показываются сами по себе, без их включения в соответствующий контекст или без их интерпретации. В связи с необходимостью решать эти проблемы будет наблюдаться огромный спрос на людей, подготовку, деньги и идеи.

Еще одна задача службы состояла в обеспечении связей между Национальным музеем и Ассоциацией музеев. До ее появления они практически не соприкасались в своей деятельности, но теперь они уже обсу-

дили направления дальнейшей совместной работы.

Поскольку правительство страны заморозило процесс введения новых должностей, пока отсутствует намибийский персонал, который продолжил бы работу службы. Сокращается бюджет Национального музея, хотя ему удалось получить краткосрочное финансирование от проекта «Архивы и музеи Африки». Для сохранения службы, как того хочет правительство Намибии, придется еще некоторое время пользоваться иностранной помощью — в виде как людских, так и финансовых ресурсов. В 1995 году была проведена оценка успешного осуществления программы, ее результаты были доведены до сведения других стран южноафриканского региона, чтобы они могли последовать примеру Намибии.

В настоящее время Передвижная музейная служба посещает каждый регион страны, пребывание в котором длится около двух недель. В течение этого времени она организует семинары для штатных учителей, учителей-практикантов и инструкторов по обучению грамоте взрослого населения, а также оказывает помощь старым и новым музеям. Таким образом было охвачено более тысячи учителей. Это стало доказательством того, что ставка на учителя была сделана правильно, кроме того, данный подход позволяет включить в этот процесс большое количество людей, школ и районов, рассмотреть и дать ответы на многие вопросы. В стране, где все законодательство подлежит пересмотру, деятельность всех служб должна быть переориентирована, а подготовка — организована незамедлительно и на самой широкой основе, передвижная служба может стать исключительно эффективным средством аккумуляции полезных знаний и опыта. В связи с этим высокий спрос на Передвижную музейную службу объясняется необходимостью не только пересмотреть национальное законодательство, связанное с музеями, но и разработать более широкие инициативы, касающиеся развития региональных музеев. ■

Голландские национальные музеи «приватизируются»

Стивен Энгельсман
(Steven Engelsman)

Недавняя «приватизация» музеев в Нидерландах не прошла незамеченной в музейном мире. В ней нашел отражение совершенно новый подход к планированию работы государственных музеев и к управлению ими. Данная статья основана на выступлении директора лейденского Государственного музея этнографии Стивена Энгельсмана на Генеральной конференции ИКОМ в июле 1995 года. Автор делает интересную попытку проанализировать причины и пути передачи в руки самих музеев широкого спектра полномочий, которые доселе были возложены на государство.

Когда 15 лет назад я оставил научную работу в университете и пришел в мир музеев, мои близкие и коллеги называли меня сумасшедшим: как мог я променять блистательный дворец знаний на музейную затхлость? Будешь по воскресеньям продавать билеты, шутили они, а по понедельникам вытирать с полок пыль. Им и в голову не приходило, что в музеях можно заниматься чем-либо интересным.

Сегодня все обстоит иначе. Люди, а значит, и моя семья знают о музеях гораздо больше. Им уделяют немало внимания газеты, радио и телевидение. Другими словами, музеи превратились в престижные места, они все время мелькают в сводках новостей. Директора музеев, хранители и реставраторы выступают в телевизионных программах, и гордые родственники записывают их на видеопленку.

Важным фактором, способствовавшим этой перемене, послужила, как мне кажется, приватизация национальных музеев, так что у меня вывод простой: приватизация — дело хорошее. Я целиком за нее. Она во многом прояснила отношения между министерством культуры, которое нас финансирует, и музеями, сделала музеи гибкими и энергичными, чего раньше не было. Именно эти аспекты я и попытаюсь проиллюстрировать в данной статье.

Прежде всего, я остановлюсь на причинах, вызвавших к жизни процесс приватизации. Что заставило министра отказаться от управления национальными музеями и почему этот шаг представлялся ему положительным? Во-вторых, я разьясню принятую модель приватизации. И в заключение мы поговорим о том, что принесли эти перемены конкретным музеям.

Первопричина

Толчком к началу всего этого процесса послужил опубликованный в сентябре 1988 года доклад Национального ревизионного управления о состоянии дел в государственных музеях. Содержавшиеся в нем выво-

ды были сокрушительными, причем главную тревогу вызывали два факта.

Во-первых, во многих музеях обнаружилось весьма серьезные проблемы, связанные с хранением экспонатов, многие из которых годами лежали без должного учета и реставрации. Зачастую не было даже возможности надлежащим образом идентифицировать имеющиеся коллекции и найти относящиеся к ним экспонаты. Самая катастрофическая ситуация была отмечена в лейденском Государственном музее этнографии, где я в настоящее время работаю. Его знаменитая коллекция этнографических предметов XIX века из Индонезии буквально пропала в холодных сырых подвалах и под раскаленными крышами чердаков. Такого рода проблемы были позднее решены в результате осуществления знаменитого «Дельта-плана», направленного на сохранение культурного наследия, и я не буду подробно останавливаться на них. Перейдем к рассмотрению второго вопроса — управления.

Управление национальными музеями вызывало немалую озабоченность. На постах директоров находились люди, явно не имевшие специального образования. Это были (и до сих пор остаются таковыми за редким исключением, вроде меня) видные ученые, достигшие своего положения потому, что были лучшими из лучших в соответствующих областях. Вообще-то, в то время не было острой нужды иметь на постах директоров администраторов, поскольку большинство вопросов управления и принятия решений не входили в их компетенцию. Так, например, наем и увольнение сотрудников оставались прерогативой министерства культуры. Вопросы помещений, ремонта, установки систем охраны и даже отдельных электрических розеток находились в ведении министерства жилищно-коммунального хозяйства. Практически никакой инициативы не допускалось, поскольку существовало строгое разделение расходов, определявшихся одобренным правительством бюджетом, и поступлений от продажи входных билетов. Каждый заработанный му-

зеем гульден поступал непосредственно в государственную казну.

Итак, перед директорами музеев было два пути: или тратить время на установление связей с важными персонами в различных министерствах и добиваться их дружеского расположения, или пустить все на самотек и сконцентрировать внимание на том, что у них хорошо получалось, — на научной работе. Многих устраивал именно второй подход, ну а остальное, думали они, решится само собой.

Короче говоря, ответственность за управление музеями была расплывена по разным государственным органам, равно как и необходимые для этого средства. Выяснить, сколько всего тратилось на содержание национальных музеев, можно было только на уровне кабинета министров.

Внимание к этой проблеме уже привлекалось несколькими годами ранее, когда заместитель генерального директора по культуре (самого главного государственного чиновника в этой области) встречался с директорами всех музеев, пытаясь решить извечную проблему управления музеями. Тогда всем директорам был задан один вопрос: «Кто, по вашему мнению, ваш начальник?» Реакция была убийственной. Семнадцать человек дали самые разные ответы, начиная от: «У меня нет начальника, я сам себе голова», «Королева», «Только министр культуры, и никто больше» — и кончая: «Парламент» или «У меня на каждую проблему по начальнику». Лишь немногие сказали, что они подчиняются генеральному директору.

Вот почему в выводах, содержавшихся в докладе Национального ревизионного управления, не было ничего нового и удивительного. Однако доклад лишней раз высветил неотложность проблемы, поставив ее в один ряд с проблемами политическими. Требовалось безотлагательное принятие решения.

Как проводилась приватизация

Ответ прозвучал 15 декабря 1988 года

на встрече министра культуры Элко Бринкмана с директорами и ведущими сотрудниками музеев. Я присутствовал на этом совещании в качестве сотрудника Государственного музея истории науки. Оно оказалось историческим. Я лично обрел на нем масштабность видения, энергию и энтузиазм, которыми жил несколько лет.

Суть этой встречи была простой и ясной. Несколькими днями ранее в одном из национальных музеев случилось чрезвычайное происшествие — было украдено три полотна Ван Гога. Ожидалось слушание дела в парламенте, и отвечать должен был министр. Волей-неволей пришлось задуматься о пересмотре системы подчинения. Кто и за что должен отвечать в музеях — вот как стоял вопрос.

Министр высказался на сей счет вполне определенно: именно он ответствен за формулирование четкой и эффективной политики в области культуры и именно он выделяет деньги музеям на осуществление ими их задач. Музеи должны стать частными организациями, а их директора должны нести полную ответственность за вверенные им учреждения и в полной мере руководить ими. Если между музеями возникнет определенная конкуренция, то ее можно будет только приветствовать.

В отношении национальных музеев с самого начала было заявлено три основополагающих принципа: коллекции, всегда являвшиеся собственностью государства, таковой и останутся; исторические здания также останутся в руках государства и, наконец, задача состоит не в том, чтобы сократить государственные ассигнования или вовсе отменить их, а в том, чтобы по крайней мере сохранить существовавший до этого уровень финансирования, но под другим названием — не выплаты из бюджета, а договорная плата за предоставляемые музеем необходимые услуги. Главной целью приватизации, таким образом, было четкое разграничение обязанностей и полномочий министерства культуры и директоров национальных музеев. Важно подчеркнуть,

что правительство не намеревалось отвернуться от музеев или сократить государственные расходы на их содержание.

Осуществление намеченной программы началось 1 января 1989 года, однако первые шесть музеев стали поистине частными учреждениями лишь к 1 июля 1994 года. Последние три музея, включая Рейксмюсеум в Амстердаме, обрели статус частных заведений 1 июля 1995 года. Все мероприятия заняло, таким образом, шесть с половиной лет.

Работа шла по трем главным направлениям: (а) министр и парламент обеспечивали законодательную основу; (б) министерство культуры и национальные музеи разрабатывали модели приватизации и формулировали принципы новых взаимоотношений и (в) каждый конкретный музей вел подготовку по созданию такой внутренней структуры, которая позволяла бы музеям действовать самостоятельно.

В отношении юридических вопросов решения принимались министром и парламентом. Депутаты единодушно поддержали приватизацию, однако разрешили министру приватизировать лишь крепко стоящие на ногах, хорошо обеспеченные музеи, располагающие всем необходимым для размещения коллекций и поддержания их в надлежащем состоянии, опирающиеся на крепкую внутреннюю организацию. Маломощные, опутанные проблемами музеи надлежало оставить в стороне. Эти требования во многом помогли музеям правильно спланировать работу. Парламент оказался великодушным союзником музеев. В 1993 году им был принят закон о приватизации, который давал министру право начать кампанию. Депутаты единодушно одобрили новый закон, что свидетельствовало о консенсусе, под знаком которого и проходил весь процесс.

Второе направление оказалось более сложным. Здесь нужно было осмыслить, изобретать и претворять в жизнь новую структуру, создавать новую организацию музеев, определять фор-

му их взаимодействия с правительством. Всю черновую работу выполнили специальная группа, в которую вошли представители четырех музеев, и несколько компетентных и преданных делу сотрудников из управления по реализации проектов. Начали с эксперимента, в ходе которого был смоделирован процесс приватизации. Был использован принцип сопоставления стоимости конечного продукта и совокупных затрат. Пришлось делать самые разные расчеты: по штатному расписанию, по амортизации, по стоимости помещений, по накладным расходам. Зато и музеи, и правительство узнали наконец истинную стоимость содержания музеев.

Пришлось решать и другие важные вопросы, в том числе:

Юридическая форма. В итоге в качестве юридической формы нового музея-предприятия была выбрана модель фонда, возглавляемого директором-управляющим, который подотчетен совету попечителей. Музеи постарались найти себе достойных попечителей. Сегодня среди них представители иностранных банков, бывшие министры, члены парламента, руководители национальных профсоюзов, видные ученые, музеологи и президенты транснациональных корпораций. Они обеспечивают связь музеев с самыми разными слоями голландского общества. Как можно догадаться, система отчетности стала иной: теперь она побуждает к творчеству.

Коллекции. Музейные собрания остаются государственной собственностью и предоставляются в распоряжение музеев на 30-летний период. Был создан независимый инспекционный орган с целью осуществления регулярных проверок содержания экспонатов. Разрешение на приобретение новых экспонатов дает директор, уполномоченный действовать от имени министра культуры. Новые приобретения также переходят в собственность государства.

Помещения. Музеи арендуют помещения у государства. Было условлено, что арендная плата будет умеренной.

Однако, поскольку такой практики ранее не существовало, в бюджете данная статья отсутствовала. К решению проблемы подошли творчески: теперь министерство финансов предоставляет деньги министерству культуры, которое переводит их музеям, а те в свою очередь платят из них арендную плату министерству жилищно-коммунального хозяйства, откуда деньги возвращаются в министерство финансов. Такое перебрасывание средств может показаться несколько странным, однако на самом деле система не так уж плоха. Сегодня у музеев есть мощное средство, необходимое для того, чтобы заставить собственников делать то, что они должны делать: заботиться о состоянии своей собственности. Теперь, если потребуется, мы можем обратиться в суд и приостановить выплату арендной платы. Таким образом, партнеры ставятся в более или менее равные условия.

Персонал. На сегодняшний день из правительственных учреждений в частные музеи ушло более тысячи чиновников. Министр ввел правила, утвержденные в ходе приватизации парламентом: гарантированная зарплата и сравнимые условия труда. Остальным занялись несколько моих коллег. В течение двух лет они вели переговоры с профсоюзами. В результате была разработана новая система определения тарифных ставок и подготовлена почва для перевода миллионов гульденов из государственного пенсионного фонда в частный.

Всеми этими вопросами приходилось заниматься на коллективном уровне. Принятые решения распространяются на все музеи. Весь объем работы фактически лег на плечи четырех музейных директоров и их сотрудников, которые действовали от имени всех музеев. Это дало остальным достаточно времени на обдумывание и реорганизацию своих учреждений. На уровне отдельных музеев стояли конкретные задачи, причем решать их приходилось до начала приватизации. Это еще одна сфера приложения усилий, которую лучше всего можно проиллюстрировать на примере Госу-

дарственного музея этнографии в Лейдене.

Государственный музей этнографии

Государственный музей этнографии — старейшее музейное учреждение в Нидерландах. Он был основан в 1837 году, когда король приобрел великолепную коллекцию японских предметов, собранную фон Зибольдом на острове Десима в заливе Нагасаки. За последние 150 лет музей обрел славу одного из старейших этнографических музеев мира.

Когда я пришел в музей в 1992 году, приватизация еще была чем-то неясным и далеким. Музей беспокоила скорее другая проблема: как провести коренную реорганизацию, избавиться от устаревшей структуры руководства, при которой каждый хранитель был удельным князьком, а все остальные — рядовыми сотрудниками, разделить музей на четыре отдела, заведующие которыми вместе с генеральным директором и под его началом осуществляли бы руководство им. Одновременно музей решал еще одну широкомасштабную задачу — реставрировалась и приводилась в порядок его знаменитая коллекция, данные о которой вносились в компьютер. Для осуществления этого проекта были приглашены более 30 новых сотрудников. Кроме этого, в 1988 году музей лишился своего директора, выдающегося специалиста по японскому искусству, и потому реорганизация проводилась под началом временно назначенного директора.

Одним словом, музей лихорадило. Делались отчаянные попытки приспособить его структуры к будущим задачам, которые пока оставались неопределенными. Этот процесс осмысления грядущего или, выражаясь земным языком, подготовки бизнес-плана на ближайшие пять лет занял немало времени. Когда в июне 1994 года первая группа из шести музеев провела приватизацию, Государственный музей этнографии только заканчивал решение своих проблем. Приватизация пришла к нам лишь полгода спустя.

Бизнес-план требовал осуществления ряда серьезных мероприятий: полной реконструкции старых зданий, создания новых хранилищ за пределами Лейдена, расширения штата сотрудников и т.д. На все это нужно было 30 млн долларов, не говоря уж о значительном увеличении годового бюджета. Дальше случилось то, чего никто не ожидал: министр согласился с нашими требованиями. На момент приватизации музея проблемы помещений, экспонатов и финансов были, как предписывал парламент, успешно решены.

Какие выводы можно сделать сегодня? Вспомним, что 15 декабря 1988 года министр поставил две цели: во-первых, пересмотреть систему управления национальными музеями и переосмыслить распределение ответственности и, во-вторых, четко сформулировать общие направления культурной политики, обеспечивающие эффективную работу независимых музейных учреждений. Как же эти цели претворялись на практике?

В отношении первой цели следует упомянуть, что приватизация осуществлялась сверху вниз. К июню 1995 года, когда были приватизированы последние музеи, ей исполнилось почти семь лет. Сегодня ситуация такова, что директора музеев несут полную ответственность за управление своими учреждениями. Сформировалась и новая, гораздо более четкая система отчетности: перед министром, перед наблюдательным советом, перед инспекционными органами и т.д. Музеи становятся все более и более открытыми, и это приятные перемены.

Однако передача ответственности и полномочий не заканчивается у парадного входа. Новая система пронизывает весь музей, охватывая всех его сотрудников. Требуется немало времени и усилий, чтобы утвердить новые принципы руководства на всех уровнях. Конечно, не обходится без сопротивления: не нравится, что ответственность передается другим лицам, нелегко заставить специалиста, привыкшего общаться со своими коллегами, отчитываться перед таки-

ми людьми, как я. Суть проблемы ясна: невозможно изменить курс супертанкера так же быстро, как направление движения лодки. И хотя весьма соблазнительно заглянуть за кулисы успеха и сосредоточить свое внимание на том, что не получилось или что предстоит еще сделать, я удержусь от этого искушения, поскольку уверен в том, что огрехи приватизации ни в какой мере не перевешивают ее преимуществ.

И последнее. В чем же заключается суть этой четкой культурной политики с учетом новой независимости музеев? Пока трудно ответить на этот вопрос. Министерству придется менять методы своей работы, заниматься не любимыми темами и деталями, а более общими проблемами. На это также нужно время и понимание со стороны музеев, которые прекрасно осознают две свои главные задачи: (а) забота о коллекциях — от составления научной документации до сохранения экспонатов и обеспечения доступа к ним — и (б) предоставление услуг населению. Музеи должны самым серьезным образом задуматься о своих связях с публикой и разработать планы активного вовлечения населения в свою работу. Вот почему сегодня во многих учреждениях делается более серьезный упор на проблемы коммуникации и контакты с населением. Выставки перестали быть исключительной вотчиной профессионалов-хранителей. Теперь они готовятся при участии специалистов, умеющих определять целевые группы посетителей и обеспечивать их охват музейной работой. Более того, организуются самые разные мероприятия, направленные на повышение привлекательности и значения музеев для их сегодняшних и потенциальных посетителей.

Все эти замечания возвращают меня в начало статьи. Я говорил, что публике все больше и больше нравятся музеи. Но верно и обратное: музеям все больше и больше нравится публика. В итоге музеи и публика полюбили друг друга, и это отрад-
■

Опора на добровольцев: Музей ракеты «Титан» в Аризоне

Джон Стиклер
(John C. Stickler)

Внушающая ужас реликвия «холодной войны», подземный памятник оружию массового уничтожения и место паломничества туристов. Речь идет о Музее ракеты «Титан» в Аризоне, о когда-то казавшемся несбыточным проекте, реализованном благодаря сотрудничеству между ВВС США, Музеем авиации в Тусоне и правительством бывшего Советского Союза. А существует он фактически усилиями добровольцев. Джон Стиклер, автор настоящей статьи, живет и работает в Аризоне.

В 1962—1982 годах главной боевой единицей военного арсенала США была межконтинентальная баллистическая ракета «Титан». В период «холодной войны» существовало 18 пусковых установок, располагавшихся вокруг городов Уичито (штат Канзас), Литл-Рок (штат Арканзас) и Тусон (штат Аризона). Каждая ракета была снабжена ядерной боеголовкой, несущей заряд, во много раз превышающий по мощности атомную бомбу, сброшенную на Хиросиму в 1945 году. Ракеты держали заправленными, в полной готовности к запуску в любую минуту на случай начала третьей мировой войны.

После того как в 1981 году американский президент Рональд Рейган подписал указ о свертывании этого огромного арсенала, из баков каждой ракеты-исполина выкачали топливо, а ядерные боеголовки демонтировали. Следующие шесть лет ушли на извлечение гигантских стальных корпусов из шахт и на уничтожение и засыпку подземных бетонных сооружений. Однако одну ракету оставили нетронутой.

Руководство ВВС в Тусоне договорилось с некоммерческим фондом местного Музея авиации о сохранении одного пускового комплекса для потомков. Однако в соответствии с До-

говором об ОСВ II уничтожению подлежали все ракетные установки без исключения, причем за этим процессом осуществлялось слежение с помощью специальных спутников. Лишь после долгих переговоров с Советским Союзом удалось получить разрешение на сохранение одной пусковой шахты для истории.

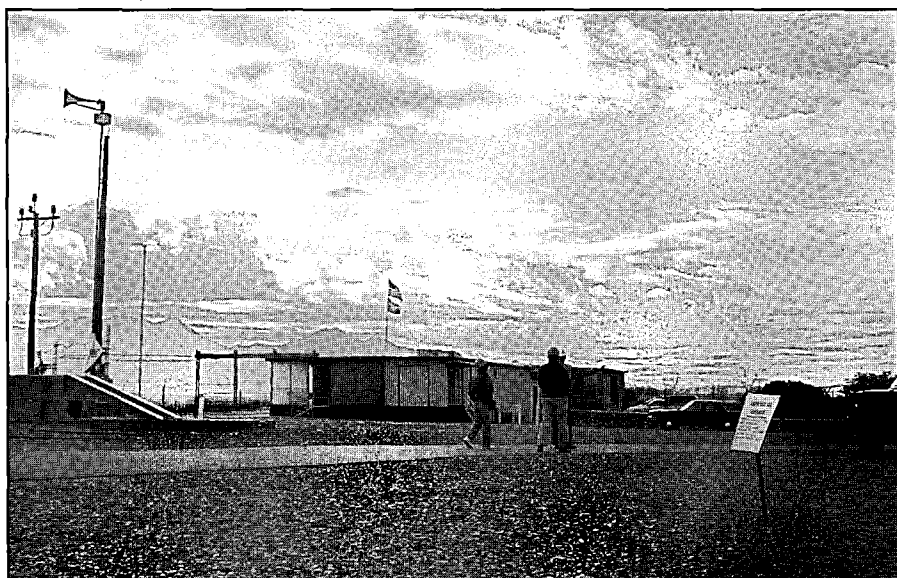
Музей ракеты «Титан» открылся в мае 1986 года. Он стал филиалом фонда Музея авиации в Тусоне, который арендует площадку у ВВС США. Музей расположен на полпути между Тусоном и мексиканской границей. Каждый год на одночасовую экскурсию по единственному в мире открытому для публики пусковому комплексу МБР приезжает 40—50 тыс. человек.

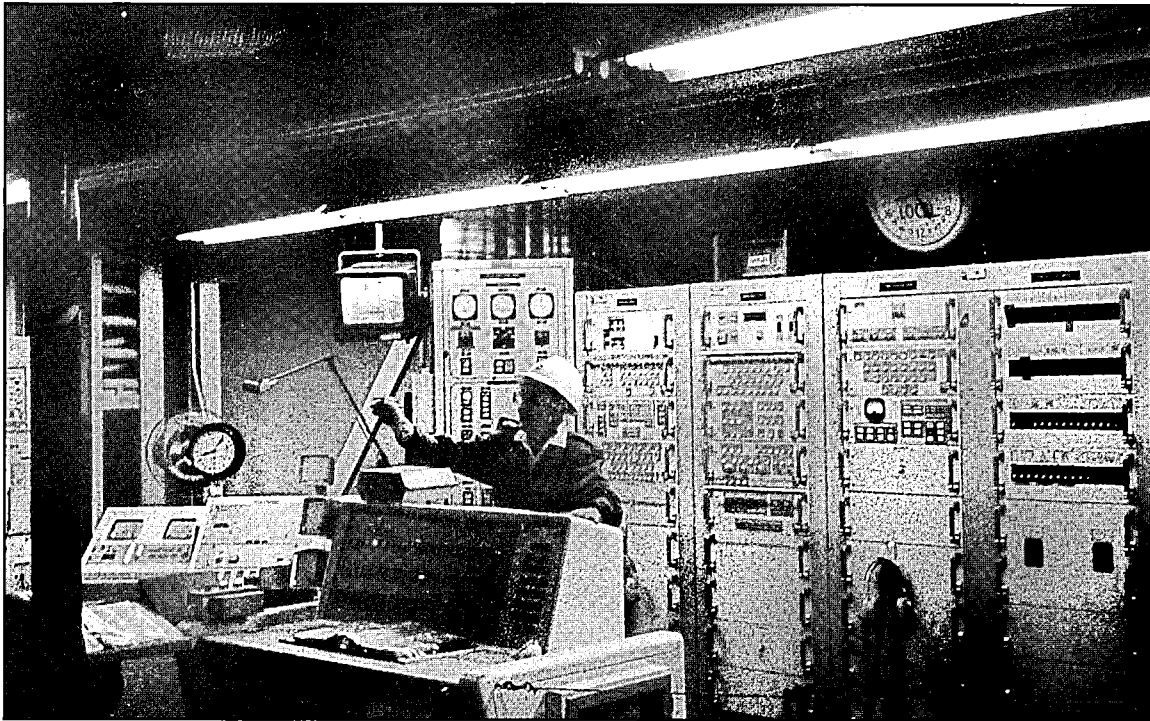
Этим объектом, официально значащимся как комплекс 571-1 стратегического командования ВВС, управляет заместитель директора Беки Робертс со своим помощником, двумя работающими на полставки хранителями и 120 добровольцами. Большинство добровольцев живут в Грин-Вэлли, процветающем интернате для престарелых, расположенном через дорогу.

«Это великолепный народ, — говорит Беки Робертс. — Они представ-

После осмотра затерянного в пустыне подземного музея посетители возвращаются в небольшое деревянное здание.

© Titan Missile Museum

© Titan Missile Museum

ляют самые разные слои населения. И каждый с большим чувством ответственности. Они меня избаловали, потому что им до всего есть дело. Мы как одна семья». Как это ни удивительно, но только 10 процентов из них — отставные военные.

Прежде чем добровольцы получают право вести экскурсии, они проходят общую и специальную подготовку. Занятия проводятся ежемесячно в зимнее время. Каждый сам выбирает себе учебный темп и сроки завершения курсов. Кроме работы гидами они выполняют и другие функции: продают билеты, торгуют сувенирами в музейном киоске. Зарплаты никто из них не получает, и, чтобы поддерживать в коллективе дух товарищества и сплоченности, музей часто устраивает неформальные праздники, импровизированные ужины и завтраки с блинами.

Венди Нельсон, занимающаяся координацией работы добровольцев, составляет график работы по крайней мере на один, а то и на два месяца вперед и вывешивает его в офисе. Все работают по-разному: кто полдня раз в неделю, кто два-три раза в неделю. Некоторые приходят только в случае необходимости. Одна активистка отработала со дня открытия музея в 1986 году 4 тыс. часов.

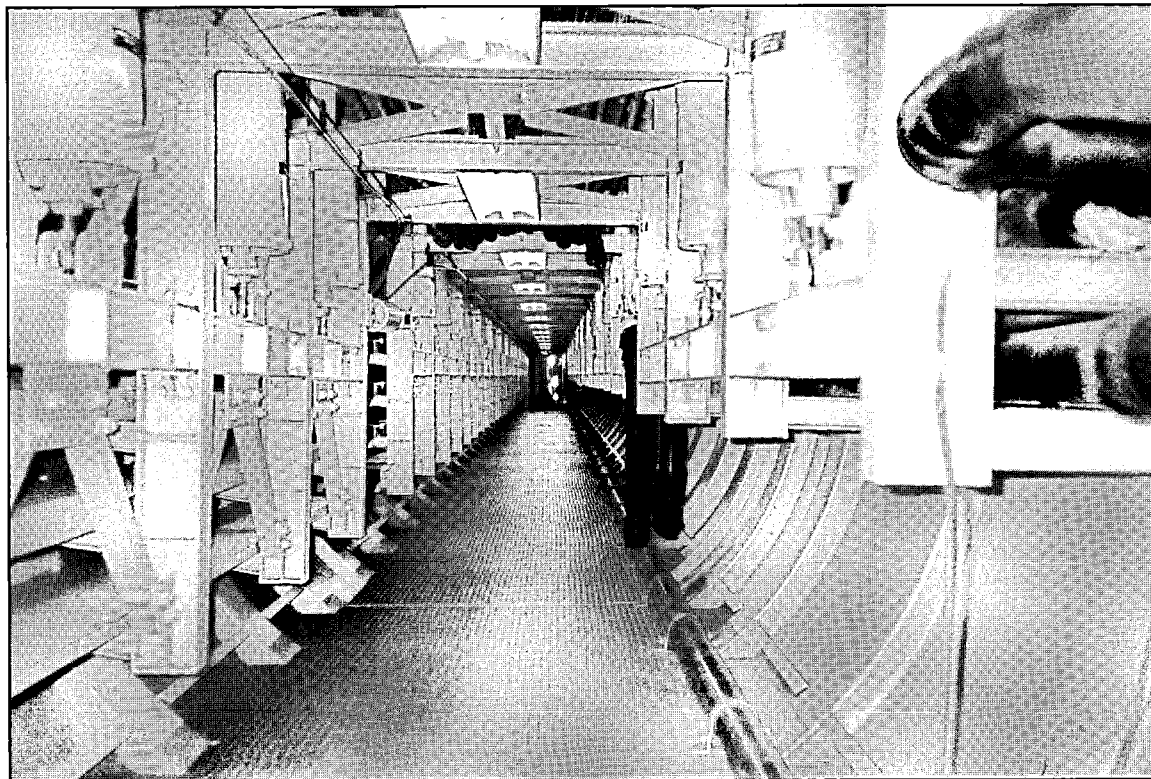
За неприметной оградой

При входе в музей не видно ничего особенного: двухметровая сетчатая ограда, опоясывающая 1,5 га расчищенной пустыни, ворота у небольшого деревянного строения, выставленная вдалеке техника. Посетители оставляют свои машины за оградой и проходят через ворота в здание. Здесь они оказываются в музейном киоске, торгующем кружками, фужерами, моделями и другими предметами с символикой ВВС США и стратегического авиационного командования.

Плата за вход составляет 5 долларов (4 доллара для престарелых, находящихся на действительной службе и отставных военных; 3 доллара для детей и подростков в возрасте от 10 до 17 лет). Экскурсии проводятся каждые полчаса и начинаются в небольшой аудитории. Выслушав рассказ о ракетной программе, осуществившейся в годы «холодной войны», о МБР «Титан II» и пусковой площадке, посетители надевают пластмассовые каски и отправляются за своим экскурсоводом на залитую солнцем площадку.

Сегодня здесь можно увидеть гораздо больше интересного, чем во времена использования комплекса.

Работающий на добровольных началах гид объясняет принцип работы центра управления запусками, расположенного под землей на глубине 10 м. Этот пункт управления на протяжении более чем двадцати лет круглосуточно обслуживался стратегическим командованием ВВС США.

Шестидесятиметровый кабельный туннель, расположенный на глубине 10 м, связывает центр управления запусками с ракетной шахтой глубиной 44,5 м.

Вдоль асфальтовой дорожки вокруг шахты выставлены автомобиль-заправщик, двигатель от первой ступени ракеты, головная часть ракеты (другими словами, боеголовка), а также вертолет, когда-то обслуживавший все 18 установок. Гид подробно рассказывает о назначении каждого узла, после чего ведет посетителей на расположенную рядом с шахтой поднятую платформу. Круглая в сечении бетонная шахта накрыта куполом в виде пирамиды, сделанной из стекла толщиной 2 см.

Через прозрачное стекло хорошо просматривается конусная головная часть 33-метровой ракеты, установленной в шахте глубиной 44,5 м. До сих пор не разглашаются сведения ни о мегатонном весе боезаряда ракеты, ни о секретном объекте на территории СССР, на который она была нацелена. Вес ракеты с полными топливными баками составлял 167 тонн, при этом она достигала высоты 76,19 км всего за 2,5 минуты. (Настоящая ракета, которая находилась в этой шахте, была извлечена и заменена учебной, которая никогда не заправлялась и не оснащалась боеголовкой.) Производство одной такой ракеты обошлось в 2,2 млн долларов.

Далее посетители в сопровождении гида спускаются по 55-ступенчатой стальной лестнице на глубину 6 м, проходя сквозь сложную систему защиты, состоящую из металлических клеток, видеокамер и выполненной из стали и бетона взрывостойкой двери весом 2720 кг. У входа висит плакат с надписью: «Осторожно, гремучие змеи!», напоминающий о том, что вы по-прежнему находитесь в дикой пустыне.

Сердце этого подземного железобетонного комплекса составлял центр управления запусками со множеством тумблеров, светящихся табло и лампочек. Гид рассказывает о функционировании электронных систем, а также о военных и политических протоколах, которыми руководствовался состоявший из четырех человек боевой расчет, круглосуточно, семь дней в неделю дежуривший здесь в течение более двадцати лет. Чрезвычайно строгие меры безопасности делали невозможным запуск ракеты одним человеком: для этого требовались два отдельных ключа и множество кодов. Благодаря специально сделанной последовательности действий гид воссоздает реальную последовательность запуска. Как только начинается наводящая

© Titan Missile Museum

ужас пляска красных огоньков на панели управления, в сознании инстинктивно рождается картина ревущих двигателей и с грохотом поднимающейся ввысь ракеты. На другом конце 60-метрового железобетонного туннеля в стене шахты (диаметром 17 м) прорезаны окна, так что посетители могут с весьма близкого расстояния обозреть ракету. Одетые в защитные герметичные скафандры манекены имитируют ее заправку.

В начале 60-х годов на строительство каждого такого подземного комплекса затрачивалось 8,3 млн долларов. А сегодня ВВС США сдают в

аренду один из них за номинальную плату.

Хотя официальное признание в качестве исторического объекта обычно приходит не раньше, чем через 50 лет, для мест, обладающих «особой национальной ценностью», делаются исключения. В США под эту категорию попадают всего 2100 федеральных исторических объектов. В октябре 1994 года в эту элитную группу был включен и Музей ракеты «Титан». Управление национальных парков США присвоило ему звание национального исторического объекта. ■

Глубоко под землей в стволе шахты одетые в защитные скафандры манекены «воссоздают» заправку гигантской ракеты.

Форум мнений

Кеннет Хадсон, руководитель Комитета по присуждению премии «Лучший европейский музей года» и автор 53 книг, посвященных музеям, вопросам социальной и промышленной истории, а также социальной лингвистики, продолжает поднимать важнейшие проблемы, которые сегодня стоят перед музеями. Мы будем рады познакомиться с откликами наших читателей и их мнениями по рассматриваемым вопросам, а также ждем от них предложений относительно тем для будущего обсуждения.

Точка зрения Кеннета Хадсона на музейных работников

Любая большая страна имеет один или два музея, которые совмещают в себе функции университета, научно-исследовательского института и публичного музея. К их числу относятся Музей Лувра и Британский музей. В них работают сотни экспертов, которые практически ничем не отличаются от академиков, в основном занятых исследованиями и почти не контактирующих с широкой публикой и не интересующихся ее проблемами. Речь не о них.

Поговорим о работниках музеев — естественной истории, местной истории, науки и техники, художественных, этнологических и т.п., — основное назначение которых состоит в повседневном служении обществу. Насколько их подбор соответствует требованиям сегодняшнего дня и какие здесь нужны изменения?

В принципе я считаю, что в штате музеев всех размеров состоит слишком много ученых и недопустимо мало поэтов и этот перекося следует исправить. Ученые, по-моему, в основном озабочены своими собственными и чужими мыслями, а поэты преимущественно заняты сердцами и чувствами людей. По собственному опыту я знаю, что музеи с подозрением относятся к настроениям и чувствам и считают себя интеллектуальными учреждениями. Они всячески поощряют архитекторов, занимающихся проектированием музеев, к возведению зданий,

которые смотрятся весьма впечатляюще, а от художников-оформителей ждут создания современных модных экспозиций. Однако нельзя сказать, что оба этих подхода намеренно и сознательно используются работниками музеев для стимулирования чувств посетителей. Они по-прежнему уверены в том, что их основная задача — сообщать информацию, а не влиять на формирование отношений, убеждений и поведения. Соответственно этому они и набирают персонал. Было бы прекрасно, если бы половину сотрудников художественного музея составляли опытные и по-прежнему занимающиеся творчеством художники, а половина персонала музеев естественной истории имела бы опыт работы на ферме, в зоопарке, ботаническом саду или в качестве ветеринара. Хорошо, когда в музеи приходят люди, не понаслышке знающие театр, кино и телевидение. Музеи — чересчур интеллектуальные учреждения. Отчасти это объясняется традициями, отчасти — характером и подготовкой людей, которые приходят в них работать.

Точку зрения Кеннета Хадсона комментирует Билл Баркли, исполнительный директор Королевского музея Британской Колумбии в Виктории (Канада):

Состояние экономики заставляет музейные советы, руководство, персонал и добровольцев еще раз тщательно оценить то, что они делают и почему. К этому нельзя относиться как к кризису или волнующей возможности. Персонал Королевского музея Британской Колумбии смотрит в будущее с волнением и некоторым опасением. Нас пугают неизвестность и неожиданные открытия.

Первое, что мы сделали, это провели всеобъемлющие консультации с нашей публикой. Как выяснилось, им нравится то, что мы делаем, но не нравится, как это делаем. Посетители подтвердили первостепенную важность таких аспектов музейной работы, как коллекционирование,

хранение, исследование и просвещение. Однако ими владеет чувство, что их отстраняют от процесса принятия решений, касающихся деятельности музея. По-видимому, в 1960—1970-е годы, когда не было проблем с финансированием, музеи до такой степени ограничили свою деятельность узкоспециальными интересами, что утратили связь с публикой. Это нашло отражение в том, что из музеев стали исчезать предметы, особенно ценившиеся рядовыми посетителями, и люди, с которыми они хотели бы познакомиться. По мере увеличения пропасти между публикой и музеем, деятельность последнего постепенно теряла актуальность.

Ключевыми словами в операции, проводимой Королевским музеем Британской Колумбии, являются доступ и актуальность. Персонал занят поиском путей увеличения и

того и другого. Успех превзошел все ожидания. Публика самым различным образом демонстрирует свое одобрение наших действий. Сотрудники музея продолжают дальнейшую разработку и совершенствование этих подходов, используя собственный опыт и предложения публики. Большинство из нас, участвующих в осуществлении этих перемен, гордятся тем, что работают в музее в такой важный для него период. Музеи меняются, и их персонал пересматривает методы работы, которую он так хорошо выполняет. ■

Мы просим читателей направлять свои замечания (объемом не более трех абзацев) по адресу: Editor-in-Chief, Museum International, UNESCO, 7 place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP (France), fax (33.1) 42.73.04.01, для рубрики Forum on Museum People.

Книги

Museums and their Visitors, by Eilean Hooper-Greenhill. London/New York, Routledge, 1994.

С исторической точки зрения музеи и другие учреждения культуры с удовольствием наслаждались своим относительно единым положением, позволяя себе не замечать течения времени в океане постоянно меняющихся ценностей и приоритетов. Однако в последние годы музеям пришлось выдержать ряд свирепых штормов. За минувшее десятилетие за стенами их обнесенных колоннами фасадов произошли радикальные изменения. Сегодняшний мир — с точки зрения культуры, экономики и политики — совершенно не похож на тот, что был 10 лет назад, и с каждым новым днем эта разница становится все более заметной.

Возможно, наибольшее непосредственное влияние на музеи

имел стремительный рост индустрии досуга. Никогда ранее не существовало такого разнообразия рекреационных видов деятельности. Никогда ранее не наблюдалось такого вложения средств в систему сбыта связанных с ними услуг потребителю, то есть публике. Рядом с зоопарками, галереями и музеями, число которых заметно увеличилось, обязательно возникают тематические парки, торговые пассажи и галереи видеоигр. Тем не менее численность отдыхающих, которых интересуют данные виды времяпрепровождения, практически не изменилась, а время, отводимое для досуга, во многих странах неуклонно сокращается. Добавьте к этому кризисное состояние экономики и вы получите хрестоматийную модель неприятной и потенциально опасной — либо пан, либо пропал — для учреждений, включая музеи, ситуации, когда они вынуждены

бороться за свободное время и внимание отдыхающей публики.

Учитывая эти обстоятельства, можно сказать, что последняя книга Эйлин Хупер-Гринхилл появилась как нельзя более кстати. Ее решительный, но беспристрастный тон прозвучал как призыв к музейным работникам всех уровней очнуться ото сна. Ее аргументы предельно просты: «Без посетителей, довольных, удовлетворенных и желающих вновь прийти сюда, музеи и галереи погибнут».

Музеи более не могут служить только хранилищами для артефактов и местом проведения научных исследований. В дополнение к этому (а не вместо этого), если они хотят увеличить посещаемость и доходы или хотя бы сохранить их на прежнем уровне, музеи должны использовать в своей работе с широкой публикой такие методы, которые делали бы их посещения более радостными, познавательными и осмысленными. Это позволит музеям успешно конкурировать с многочисленными соперниками, у которых также большие виды на публику. Однако для музеев это означает необходимость признать первостепенную роль процесса обучения, чтобы эффективно общаться со своими посетителями и удовлетворять их потребности.

Во вступлении к книге и ее первой главе, названной 'Forces for Change' («Движущие силы перемен»), Хупер-Гринхилл приводит ряд обоснованных причин, объясняющих, почему музеи должны перенести акцент с внутреннего (коллекции) аспекта своей деятельности на внешний (посетители). Хотя некоторые из этих движущих сил кроются в переменных, которые происходят в составе семьи, школьных системах и теории обучения, другие сами становятся причиной развития индустрии досуга, которая со знанием дела уделяет самое пристальное внимание рыночным исследованиям и формированию своей публики. Музеям предлагается также научиться этому, то есть «продавать» свою продукцию и услуги. Возможно, кому-то эта идея покажется весьма спорной, особенно представителям

учреждений, где не только прочно укоренилась традиция функционировать, не прибегая к рыночным стратегиям для привлечения посетителей, но и существует ее полное неприятие. Автор приводит сильные и логичные аргументы в пользу использования музеями некоторых из таких методов. Поскольку во многих из них уже осуществляются программы установления связей с общественными организациями и отдельными лицами, она проводит различие между связями с общественностью и маркетингом и показывает принципиальную разницу их конечных целей.

Во второй главе рассматриваются основные принципы теории и практики коммуникации и рассказывается об истории создания систем массовой коммуникации, а также о некоторых моделях, используемых музеями во всем мире. Она предлагает «холистический подход к музейной коммуникации», в соответствии с которым музейный опыт делится на местный и заимствованный извне, но и та и другая категория создают целостное представление о музее. Восприятие, отношение и реакция посетителя образуют обратную связь с комплексом полученных им представлений об экспозициях, публикациях и даже общественных зданиях, что создает устойчивый замкнутый коммуникативный цикл между музеем и его посетителями.

Для успешного применения на практике этой модели автор советует руководству музеев «провести ограниченное рыночное исследование, предварительный анализ коммуникативных возможностей и изучение результатов ранее проведенных итоговых оценок, что позволит избежать в будущем дорогостоящих ошибок». Однако она признает также, что «очень немногие музеи проводят последовательную и продуманную политику в области коммуникации», что уже является достаточным основанием для ее разработки!

Внутренняя коммуникативная сеть эффективна в работе и не требует много времени для пользования ею. Двухсторонняя связь должна быть как между музеем и его посетителями, так и между его

сотрудниками, и автор рассматривает всю серьезность этой проблемы. Традиционные крупные учреждения культуры, как правило, становятся жертвой строго иерархической коммуникативной цепи, по которой информация поступает только сверху вниз. Такое жесткое регулирование потоков информации приводит к значительным нарушениям связей между отделами музея, а те немногочисленные контакты, которые еще существуют, зачастую приобретают форму споров, направленных на защиту своей территории. Это очень важный момент, который требует к себе самого пристального внимания; возможно, автору следует написать еще одну книгу, в развитие первой, под названием *Музеи и руководство ими (Museums and their Management)*. Она должна быть посвящена рассмотрению проблемы плохо организованной внутримузеевской коммуникации, которая беспокоит персонал многих музеев и мешает ему эффективно выполнять свои обязанности.

В главе «Кто ходит в музей?» вводится понятие учета. Попросту говоря, музеи являются теми учреждениями, которые преимущественно занимаются предоставлением общественных услуг. Для своего дальнейшего развития данная сфера услуг должна определиться относительно своей эффективности и приемлемости для потребителей. В прошлом вопрос эффективного обслуживания посетителей либо игнорировался, либо рассматривался на основе произвольных критериев. Хупер-Гринхилл утверждает, что все музейные работники должны знать, какова посещаемость их учреждений. Знание фактически существующей и потенциальной публики, а также системы пользования музеем играет исключительно важную роль в том, что касается одобрительного отношения к деятельности музея со стороны этой публики и увеличения его посещаемости. Прочитав автор: «Ни одно предприятие не может преуспеть, если его руководители не знают, кто нуждается в его продукции или в его услугах». Учитывая растущую конкуренцию за свободное время публики, музеям придется последовать примеру руководства

предприятий, поскольку вся индустрия досуга поступает именно таким образом.

Итак, мы установили необходимость для всех музеев развивать коммуникативную политику с учетом потребностей посетителей. В следующих четырех главах описываются многочисленные примеры применения этой политики на практике, что поможет читателям планировать и оценивать успехи музея в области коммуникации с его посетителями. Хупер-Гринхилл затрагивает все аспекты музейного опыта работы с посетителями — от умения создать для них доброжелательную и приятную атмосферу до вовлечения их в различные виды активного обучения, что стимулирует их желание вновь прийти в музей.

В главе, посвященной исследованиям и оценке, Хупер-Гринхилл дает столь необходимые определения этих двух зачастую неправильно трактуемых терминов. Она перечисляет их различные значения и описывает ситуации, в которых употребляется то или другое из них. Далее она подытоживает процессы коммуникативной, образовательной и совокупной оценки, используя конкретные примеры для иллюстрации того, как работают определенные методы. Автор особо подчеркивает роль образовательной оценки для создания интерактивных экспонатов. Она пишет о необходимости подвергать испытанию те предметы, которые предназначаются для экспозиций открытого доступа, где их можно трогать руками, использовать по назначению, сидеть на них или манипулировать ими. «Если этого не сделать, то полочки неизбежны». Следует добавить также, что без такой предварительной проверки будут зря потрачены ценное время персонала и деньги, но, что наиболее важно, может пострадать посетитель.

Для читателей, которые не так хорошо знакомы с исследованиями и оценкой в контексте изучения посетителей, автор приводит ссылку на исторический опыт оценки посетителей, главным образом Великобритании. Хотя

значительная часть такой работы впервые действительно была проведена в Музее естественной истории в Лондоне, многие другие пионерные исследования были предприняты в Соединенных Штатах, Франции и других странах (для дополнительного знакомства с данной проблемой мы предлагаем читателям обратиться к *Международному журналу "Museum"*, № 178, 1993). Тем не менее представленная в книге информация общего характера полезна и небезынтересна.

Следует отметить также объективный подход автора к «жестким» и «мягким» методам оценки. По ее мнению, хотя «научный» и «натуралистический» подходы изначально являются следствием различных мировоззрений, оба имеют свою ценность. В конце главы приводится список литературы и перечень других средств, представляющих интерес для тех, кто изучает музеологию, в частности различные методы оценки публики.

Две главы посвящены рассмотрению вопросов создания комфортной для посетителей атмосферы и ориентации их вкусов. Особое внимание уделяется такому важному аспекту, как доброжелательное и внимательное отношение к посетителю, включая его концептуальную ориентацию на ту или иную выставку.

Хупер-Гринхилл призывает музейных работников не замыкаться в психологических и физических рамках той или иной экспозиции, которая является для персонала делом внутренним, в то время как посетитель смотрит на нее совершенно иными глазами. Автор пишет: «Вот мы, раскрыв рот, рассматриваем экспозицию кожаных с пуговицами ботинок на высоких каблуках, но вдруг внимание переключилось и наш взгляд останавливается на чучеле лисы и урне». Несмотря на тот факт, что по результатам всех обследований ориентация неизменно представляет собой слабое место в деятельности музеев, очень немногим музеям все же удалось создать приемлемую когнитивную структуру, которую рядовой посетитель способен выделить из широкого ряда

впечатлений, обычно обрушивающихся на него в течение одного визита.

Точно также многие музеи не готовы к приему различных категорий посетителей, которые ежедневно приходят (или должны приходиться) в них. Для удовлетворения потребностей этой постоянно меняющейся публики музеи должны, по убеждению автора, четко определить для себя, какая именно публика им нужна, и стремиться к установлению с нею необходимых связей. Далее Хупер-Гринхилл приводит примеры такого успешного сотрудничества между музеями и конкретными категориями посетителей, а также библиографию для ее изучения читателями. В противоположность убеждению некоторых музейных работников практику целенаправленной работы с определенными категориями посетителей нельзя назвать исключительной. При надлежащем ее осуществлении она позволяет охватить самые различные их категории, которые в иных случаях обходят вниманием.

Касаясь вопроса о языке и тексте, используемых для составления этикеток для экспонатов, Хупер-Гринхилл предостерегает о том, что «экспозиции — это не настенные книги». Хотя многие музейные работники согласились бы с этим, многочисленные выставки своим видом доказывают прямо противоположное. Важно отметить данные исследований, которые свидетельствуют о желании посетителей, приходя в музей, видеть и читать этикетки, которые

дают ответы на вопросы, оправдывают предчувствия и подтверждают различные толки. Но не следует забывать и о слухах, утверждающих обратное. Залогом удачной этикетки является ее текст, который написан понятным для публики языком и сообщает интересующую ее информацию. Текст этикетки не должен быть перегружен словами и терминами, смысл которых требует перевода, и содержать сведения, которые никому не нужны. В книге приводится исчерпывающий рассказ о могуществе языка вообще, после чего рассматриваются конкретные проблемы составления текстов для экспозиций. Всего на нескольких страницах Хупер-Гринхилл перечисляет различные цели, которым могут служить эти тексты в музее, основные принципы их составления, типичные ошибки, которых следует избегать, и даже некоторые методы оценки таких текстов.

Глава, рассказывающая о музеях как об учебной среде, носит в высшей степени теоретический характер. В ней излагаются философские вопросы, в том числе касающиеся таких тем, как заочное обучение versus непосредственное преподавание, активное участие versus пассивное обучение и различные методы определения уровня интеллектуального развития. Действительно, музеи с их уникальными коллекциями, специалистами в различных областях, междисциплинарными подходами и мультисенсорным опытом имеют огромные возможности для того, чтобы стать идеальной учебной средой. Однако, как отмечает автор, многие музеи

не дотягивают до этого уровня. Хупер-Гринхилл заканчивает свою книгу *Museums and their Visitors* рекомендациями, которыми музейные работники могут воспользоваться, если хотят серьезно подойти к оценке их нынешнего положения и к разработке плана организационной деятельности на будущее. Здесь также приводятся примеры политики в области маркетинга, экспозиционной и просветительной деятельности, обслуживания посетителей и работы с добровольцами. Хотя многие из них основываются на стандартах и условиях британских музеев, с некоторыми изменениями они вполне применимы к аналогичным учреждениям во всем мире. В книге имеются глоссарий терминов и превосходно составленная библиография.

Во введении Хупер-Гринхилл выражает надежду на то, что ее книга «будет полезна всем тем, кто изучает музеологию, — будь то начинающие исследователи или лица, которым, как порой представляется, уже поздно учиться». Она может быть уверена, что не обманулась в своих ожиданиях. По-моему, каждый, кто изучает музеологию, получит огромную пользу, прочитав эту книгу.

Рецензия подготовлена С.Г. Скривеном, ученым-исследователем Чикагского музея естественной истории и бывшим руководителем Международной лаборатории изучения посетителей в Университете штата Висконсин (Милуоки).

Профессиональные новости

Реставрация и консервация

«Будущее прошлого» — такова тема международной торговой ярмарки *Реставрация-96*, которая должна пройти в Амстердаме с 10 по 12 октября 1996 года. Реставрация и

консервация культурного наследия станут предметом обсуждения нескольких конференций, проведение которых было приурочено к ярмарке. На ней будет развернута экспозиция товаров и услуг, предназначенных

для обеспечения сохранности памятников, достопримечательных мест и ландшафтов, фасадов зданий и их интерьеров, произведений искусства, книг, работ, выполненных на бумаге, мебели, исторических предметов, артефактов, а также организован показ новейших методов и технологий.

Более подробную информацию можно получить по адресу:
Restoration 96
 Europaplein, NL-1078 GZ Amsterdam
 (The Netherlands)
 Tel: (31—0—20) 549.12.12
 Fax: (31—0—20) 646.44.69

Учебный курс ИККРОМ по японским методам консервации бумаги (1996 год) будет проходить в Токио и Киото с 20 ноября по 16 декабря 1996 года. Он будет организован Международным научно-исследовательским центром по консервации и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ) при содействии токийского Национального исследовательского института культурных ценностей, Японского агентства по делам культуры и Национального музея Киото. Цель курса состоит в том, чтобы познакомить его участников с разнообразными методами консервации бумаги, разработанными на основе техники укрепления японских свитков. Для них будет организовано посещение музеев, реставрационных лабораторий и японских предприятий по производству бумаги, а также экскурсии в крупнейшие исторические центры и достопримечательные места Японии. Курс теоретических лекций будет прочитан в Токио, а практические занятия будут проводиться в Консервационном центре Национального музея Киото. Лекторами будут японские специалисты в области консервации бумаги; рабочий язык — английский.

Более подробную информацию можно получить по адресу:
 ICCROM
 Via San Michele, 13
 I—00153 Roma RM (Italy)
 Tel: (39—6) 585—531
 Fax: (39—6) 5855—3349
 Email: mc5356@mclink.it

Античное золото возвращается в Грецию

30 января 1996 года при почетном покровительстве Президента Соединенных Штатов Уильяма Дж. Клинтона и Президента Греции Константиноса Стефанопулоса в Вашингтоне состоялась официальная церемония, на которой Греции была возвращена редчайшая коллекция из 32 изысканных греческих украшений из золота (15-й век до нашей эры). Со стороны Соединенных Штатов это стало первым актом возврата произведений греческого искусства в страну их происхождения. Коллекция была выставлена на продажу в одной из художественных галерей Нью-Йорка в 1993 году. Греция сделала заявление о том, что эти предметы попали в руки определенных лиц в результате проведения незаконных раскопок и они были незаконно вывезены из страны. В конце того же года было достигнуто соглашение, в соответствии с которым коллекция преподносилась в дар Обществу за сохранение греческого наследия. Последнее в свою очередь, прежде чем вернуть коллекцию на родину, организовало выставку для ее показа в Далласском художественном музее.

Курс руководства музеями в Немецком музее

Седьмой год подряд Немецкий музей проводит пользующийся успехом однонедельный курс, посвященный принципам и методам руководства музеями. Он будет прочитан старшим персоналом музея в Мюнхене в два этапа: на английском языке — с 22 по 27 сентября и на немецком языке — с 24 по 29 ноября. При этом будут рассмотрены такие важнейшие аспекты музейной деятельности, как финансовые вопросы, архитектура, проектирование и создание экспозиций, управление коллекциями, консервация предметов технического назначения, руководство проектом, составление и редактирование текстов для этикеток, выпуск публикаций и обеспечение безопасности.

Более подробную информацию можно получить по адресу:
Hauptabt. Programme
Deutsches Museum
D-80538 München (Germany)
Tel: (49.89) 217—9294
Fax: (49.89) 217—9324

Новые публикации

Ассоциация британских музеев приступила к выпуску нового журнала, *Museum Practice*, который публикует информацию практического и технического характера, представляющую интерес для музеев. Она будет содержать конкретные примеры и сведения о новых методах и оборудовании, поступающие со всего мира, в целях совершенствования стандартов в области хранения, представления и интерпретации коллекций.

Более подробную информацию можно получить по адресу:
Museums Association
42 Clerkenwell Close
London EC1R 0PA (United Kingdom)

Introduction to Imaging: Issues in Constructing an Image Database, by Howard Besser and Jennifer Trant. Издана Информационной программой Фонда Гетти в области истории искусства и распространяется Центром распространения изданий Фонда Гетти, 410 Wilshire Boulevard, Suite 1100, Santa Monica, CA 90401—1455, 1995, 48 pp. (ISBN 0—89236—361—4)
Fax: (1.310) 453—7966.

Руководство типа учебника, в котором излагаются основы технологии и приводится словарь цифрового представления

изображений применительно к управлению базами данных цифровых изображений. В этой брошюре рассматривается полный порядок действий, необходимых для оцифровывания изображений. Цифровое представление изображений уже революционизирует методы исследования и преподавания искусств и гуманитарных наук, однако его использование будет по-настоящему эффективным только тогда, когда будет создана критическая масса стандартизированной цифровой информации. Общие подходы должны служить руководством для создания виртуального музея, и данная публикация знакомит хранителей, библиотечарей, заведующих коллекциями, администрацию, ученых и студентов с основами создания баз данных цифровых изображений. В ней также рассматриваются такие важные вопросы, как объединение базы данных изображений с другими информационными ресурсами и организация обмена визуальной информацией между различными автоматизированными системами. Но самое главное, в ней предлагаются стратегии, учитывающие дальнейшее развитие технологий и допускающие простую модернизацию системы при появлении нового оборудования.

ITEM 10, компакт-диск, выпущенный Международной информационной сетью в области визуальных искусств, Suffolk College, Rope Walk, Ipswich, Suffolk IP4 1LT (United Kingdom).

ITEM (Image TEchnology in Museums and art galleries database - база данных технологии и методов представления изображений в

музеях и художественных галереях) представляет собой обширный современный информационный ресурс, включающий регулярно обновляемые и дополняемые записи, касающиеся интерактивных мультимедийных проектов, публикаций и соответствующих организаций: музеев, художественных галерей, международных консорциумов, коммерческих производственных компаний и издательств. Предоставляемая таким образом информация способствует развитию и использованию интерактивных мультимедиа в целях увеличения ценности музейных коллекций и экспозиций, совершенствования управления коллекциями и расширения возможностей для исследований. С 1991 года база данных выпускалась два раза в год в виде твердой копии (только текст) (*ITEM*, № 1—9). С № 10 она будет выходить ежегодно только на компакт-диске, однако подписчики смогут получать новейшую информацию через World Wide Web.

Протоколы восьмого Международного конгресса Всемирной федерации друзей музеев. Сборник основных выступлений и докладов, прозвучавших на конгрессе, который проходил в Тревизо в 1993 году. Он был посвящен такой теме, как участие всего общества в сохранении и популяризации произведений искусства. Эту публикацию можно получить, обратившись по адресу: Mrs Anna Grandi Clerici, Via Goito, 9, 20121 Milano (Italy). Цена 10 долл. Деньги отправлять денежным переводом за границу по адресу: Banca Popolare Commercio e Industria, Agenzia No. 1, Via Moscova, 33, I—20121 Milano (Italy).

Журналы ЮНЕСКО на русском языке

museum

Международный журнал

Ежеквартальный иллюстрированный журнал, посвященный проблемам музеологии. Журнал представляет интерес не только для специалистов, но и для людей, просто любящих музеи.

Индекс 38947

«Курьер ЮНЕСКО»

Ежемесячный иллюстрированный журнал, освещающий с разных точек зрения проблемы современного мира, а также искусства, литературы, науки и культуры. В каждом номере — рубрики, посвященные охране всемирного наследия и деятельности ЮНЕСКО в мире.

Индекс 38945

«Бюллетень по авторскому праву»

Ежеквартальный журнал, посвященный вопросам авторского права и его охраны, а также новым разработкам в этой области. Журнал представляет интерес не только для юристов, но и для творческих и издательских работников.

Индекс 38946

«ПЕРСПЕКТИВЫ: сравнительные исследования в области образования»

Ежеквартальный журнал, представляющий широкий спектр актуальных проблем теории и практики образования за рубежом. Интересен преподавателям вузов, научным работникам, деятелям просвещения.

Индекс 38948

Уважаемые читатели!

Сообщаем, что подписка на эти журналы на 1998 год будет приниматься во всех отделениях связи во втором полугодии 1998 года. Эти издания вы можете найти в Объединенном каталоге Федерального управления почтовой связи Минсвязи России.

Наши журналы можно приобрести в магазине «Человек читающий» по адресу: 119847, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

